

**Министерство геологии СССР
КИЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНЫЙ ТРЕСТ «КИЕВГЕОЛОГИЯ»**

**МАТЕРИАЛЫ
к 50-летию юбилею треста «Киевгеология»**

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

О Г Л А В Л Е Н И Е

В.В. Мокринский	1918-1925 годы моих геологических работ.....	3
И.К. Козлов, Е.П. Кунина	Некоторые воспоминания о геологоразведочных работах в системе МГ УГУ за довоенный период и в годы Великой Отечественной войны	17
С.К. Комоцкий	Письмо главному геологу треста «Киевгеология».....	38
С.К. Комоцкий	Мои воспоминания.....	40
П.И. Савенко	Воспоминания.....	45
Е.М. Матвиенко	Из воспоминаний о моей геологической работе..	52
	К биографии Юрия Григорьевича Дубяги.....	57
Е.Василенко	К биографии Павла Ивановича Василенко.....	59
М.П. Кожич-Зеленко	А.Е. Зеленко.....	61
А.М. Головенко, В.А. Нечаев	Краткая история партизанского соединения «Авангард» в Донбассе.....	63
В.А. Нечаев	Соколова Н.А.....	66
И. Бунина	Детство и юность Наташи Соколовой.....	69
Г.Я. Лепченко	Давным-давно.....	76

1918-1925 годы моих геологических работ

И так! Я являлся членом Укргеолкома с момента его создания (1 февраля 1918 года). Он состоял тогда из трех человек: В.И. Лучицкого – директора и ст. геологов – Б.Л. Личкова и В.В. Мокринского.

В 1918 году были начаты работы по созданию карты полезных ископаемых Украины. Я был не только участником работ, но еще и ведал «Отделом издания», ведя организационную работу по ее печатанию. Это была трудная, сложная задача.

Постепенно состав коллектива Укргеолкома рос, появился ряд новых сотрудников: Выржиковский, Палий, Ожегова, Архангельская, Фремд, Безбородько, Буренин, Резниченко, Гинзбург, и мн. другие.

Позднее в 1918 году мне было поручено составить первую обзорную геологическую карту Донбасса. Я в Донбассе не работал, и моя задача имела характер литературной сводки по изданным уже к тому времени листам детальной геологической карты Донецкого каменноугольного бассейна, выполненным геологами-лутугинцами (Геолком). Масштаб для обзорной карты был десятиверстный. Я такую карту и составил, а в заголовке поместил: «составлена по литературным данным», без указания моей фамилии. Карта была выполнена в цветной раскраске, цветными карандашами на особо изготовленной основе. Она трудна была по выполнению, я, как студент Ленинградского горного института, чертить, правда, умел, но трудно было заполнять краевые и не законченные планшеты. Как бы то ни было, карта была сдана и принята Укргеолкомом. Впоследствии она попала в Новочеркасск (казачье правительство генерала Краснова) и только в 1925 году ее В.Ф. Мефферт привез из Новочеркасска в Ленинград.

На заседании Угольной секции Геолкома я получил тяжелую отповедь Б.Ф. Мефферта, что «работники науки так не поступают», «надо было указать персонально всех авторов листов, которые были включены в обзорную десятиверстку», и «какое Вы имели, вообще, право заниматься этой сводкой, не работая в Донбассе лично?». Трудно было, конечно, мне реагировать на это. Я выполнил задание Укргеолкома и не присвоил себе ничего из работ «лутугинцев». Составленная мною обзорная геологическая карта Донбасса десятиверстного масштаба была издана в Ленинграде – полностью воспроизведя мной составленный макет, на участие в составлении ее мною указано не было.

Этот урок я запомнил на всю жизнь, восприняв его не в пользу В.Ф. Мефферта. Работа по карте полезных ископаемых Украины и обзорная геологическая карта Донбасса (десятиверстка), были по тем временам, крупным достижением советской геологии.

Позднее в том же 1918 году я был командирован Академией наук СССР и Геолкомом на Мангышлак. Мой учитель – Н.И. Андрусов писал мне об этом из Ленинграда: «соберите все что нужно, вербуйте помощников в Киеве, Москве, получите деньги и открытые листы». Письмо Николая Ивановича меня «мобилизовало», я готов был сделать все, чтобы ехать на Мангышлак, где получил от Андрусова Н.И. свое крещение как геолог.

Задача была более чем сложная – Гетманская Украина вела тогда войну с Советской Россией. В Киеве было не до науки, но предложение самому организовать экспедицию на Мангышлак сделало многое.

Я попытался попасть на прием к тов. Раковскому, который в это время был полпредом Советов и вел разговоры с Гетманом официально, а с арсенальцами по сути дела. Он базировался в гостинице, называвшейся, кажется, Бристоль (помещалась она на углу Фундуклеевой и Крещатика). Раковский меня принял тотчас же, выслушал внимательно мой рассказ, внимательно прочел письмо Н.И. Андрусова и заявил: «Научные работы вести нужно. Их поможем осуществить. Приходите через пару дней». И вот я явился. Мне был вручен пакет. Там я нашел следующее: удостоверение, что я являюсь членом мирной Советской делегации, что мне поручено выехать из Киева через Оршу (где был фронт) в Москву, с вагоном оборудования и тремя помощниками, для следования далее в научную экспедицию. Это было потрясающим, необычным, но ясным как день – нужно действовать. И вот экспедиция собрана, она состояла из меня – начальника, моего брата Константина, Дмитрия Андрусова – сына Николая Ивановича, (сейчас действительный член Словацкой Академии наук), Владимира Петровича Смирнова, геолога-палеонтолога из Укргеолкома. Оборудование я получил из Укргеолкома – вьючные чемоданы, спальники и т.д., и т.д., частично прихватил, что удалось, от друзей геологов. Продовольствие, какое смог, закупил в Киеве. Превалировал сыр - Кочковал (молдавский, тип грузинского Сулугуни), кое-какие крупы, сахар. И вот мы в пути, двухосный товарный вагон с надписью «16 тонн, 40 человек, 8 лошадей» – нары и мы, вручившие себя неизвестному.

Вот и Орша. Это граница – ничейная зона. Вагон перекатили с «человеками». Я явился к командиру ст. Орша. Это был моряк, вперекрест обмотанный пулеметными лентами. Он встретил меня восторженно: «А... вот тебя то «братишка» мне и надо! Будешь комиссовать поезда, вагон прицеплю. Топай в Москву». На мои вопросы: «Как? Что за поезд?», последовало: «Разная шушера, с фронта. Сестрички три, папашины сыночки и т.д.». – «Как же я их доведу?» – «А так и довезешь!» – «А если разбегутся?» – «Черт тогда с ними!» И вот мы прибыли в Москву, разбирая на станциях пакгаузы на топку поезда. Прибыли вчетвером. Кроме нас во всем поезде были еще машинист, кочегар и кондуктор. Москва встретила нас лозунгом: «Кто не работает – тот не ест».

В Москве нас приютила на неделю Тверская глазная лечебница, где мой дядя – Н.Н. Дислер был главврачом. Я съездил в Ленинград к Андрусовым. От-

вез им два круга «Кочковала» и две буханки белого круглого хлеба. Это их поразило и потрясло – они сильно голодали. Вернувшись в Москву, получил у Мейстера, тогда представлявшего Геолком, листы «керенок» и открытые листы, служившие правом на ведение работ и просьбу «оказать содействие». Продовольствие я должен был получить в Царицыне – бывшей тогда Советской Продовольственной Республике.

В Царицыне, куда прибыл поездом, явился к продовольственному комиссару – там народу было – нет числа, толчея, неразбериха, надежд на успех – никаких. Комиссар, окруженный толпою, лишь с трудом понял, что мне нужно и на мой ответ, куда и зачем нужно продовольствие, сказал – очень трудно, но можно только в Москву и в Ленинград. Сквозь сизый, махорочный дым, огромная комната просматривалась с трудом. Галдеж в ней стоял невероятный. О каком - либо порядке нельзя было и мыслить. Ну, что же делать? Работать в Мангышлаке без продовольствия нельзя - там кругом пустыня. Ехать обратно в Киев – не доедешь! И вот в раздумье я вышел в соседнюю комнату. На мне была горняцкая студенческая тужурка и фуражка. Это, очевидно, привлекло внимание, среди шинелей и тельняшек я выделялся. Я услышал вопрос: «Что с Вами?» – говорила девушка-машинистка. Я рассказал. – «Сколько и чего же Вам нужно?» Когда выяснилось, что это 2-3 тонны всего-навсего, она покачала головой и сказала: – «Подождите». Через час я получил ордер на отпуск продуктов со склада, подписанный комиссаром. В ордере значилось: мука и масло, изюм, плиточный чай, какие-то не разваривающиеся крупы – шрапнель и хлопковое масло. Это было неожиданно и я, боясь все это потерять, дал ближайший адрес: Астрахань, - что сильно осложнило нам вывоз нашего груза из Астрахани на Мангышлак. Но оказалось, что вывезти полученное из Царицына было не так-то просто. Наш груз требовал разрешения на погрузку на пароход – «тройки», которая обреталась на пароходе, стоящем вдали на рейде. Туда нужно было попасть и получить разрешение. Наняв мальчишку с лодкой, отправился туда и там меня принял пожилой человек, который выдал погрузочный ордер. И так, мы в Астрахани. Выгрузились, ночуем на площади у пристани, охраняя вещи. Но тут снова повезло – уходил на Мангышлак рыболовный моторный бот. Мы договорились с капитаном и ночью, смылись из Астрахани, без всякого спроса.

На Мангышлаке меня знали. Разнеслась молва, что приехал ученик Н.И. Андрусова. Явился старый его проводник Темир и мне, без особых трудов, удалось организовать караван и нанять верховых лошадей. Мы работали 2,5 месяца. Обошли Коратавчик, Западные и восточные Каратау – кругом не было ни души. Год был отчаянно жаркий, без дождя, вся степь выгорела. Стада овец и верблюдов ушли к морю, или в Устюрт к глубоким колодцам. Наши верблюды и лошади голодали. Приходилось посылать для них за урунджой (особый вид клевера). Они кормились скудно. Люди тоже жили впроголодь, получая продовольствие по норме, установленной на питание – но работали. Правда, В.П.

Смирнов оказался большим «философом» и от него реальной отдачи получить не удалось. Я и Дима Андрусов работали запоем. 1918 год вошел основным годом в определение значения мезозойского угленакопления, он дал основу для расчленения пермо-триаса, уяснил несогласие между юрой и нижним мелом, который изучал Д.Н. Андрусов и т.д. Словом на результаты экспедиции жаловаться не приходилось.

К концу экспедиции, вернувшись на Каратавчик, мы лишились лошадей – они пали. Остался лишь мой конь, на котором я практически не ездил, предпочитая работать пешком. Верблюды потеряли силы и не могли доставить в форт собранные коллекции. Проводник Темир заявил: «Не дойду». И вот дилемма: продуктов осталось меньше чем на неделю. До форта более сотни километров. Другого выхода не найти. И я решил отправиться в форт пешком. Взяв кусок кочковала – мою долю, не более 400 граммов, я ушел в форт, хорошо зная дорогу и положение колодцев. Шел я с 3 часов ночи до 10 часов утра, спал где-либо у обрыва (в тени) до 3 часов дня и снов шел. На 5-й день я пришел, в полном изнеможении, в форт в Исполком – там оказались меньшевики-ашхабадцы! Мой вид, однако, был очень убедительным. Караван на Каратавчик отправили. А я свалился и на базе проспал более 3-х суток. К этому времени пришел караван, но исчез лишь Смирнов В.П. Он вообразил, что я бросил караван и товарищей и поэтому ушел один, не зная дороги, и заблудился. Его подобрал совершенно случайный караван вдали от нашей трассы.

Форт, берег моря, наличие рыбы, воды – произвели потрясающее действие. Мои спутники из двояковогнутых, стали за две недели двояковыпуклыми. Они с утра на моем коне ездили к рыбакам и привозили рыбу, съедали за день целого осетра, килограммов на 12, которого варили в ведре, разрубив на крупные куски. Безостановочно пили чай.

Уехать с Мангышлака тогда было очень трудно. На Кавказе зверствовал Бичерахов. Англичане захватили Баку, двигались к Грозному. Весь флот был захвачен и превращен в канонерки. Начинаясь сильнейший развал. Нам нужно было попасть в Астрахань, где тогда тов. Киров руководил защитой от Гурьевских казаков.

И вот нам свои услуги предложил какой-то «перс», у него была палубная парусная лодка. Он и матрос брались доставить нас в Астрахань, но наши коллекции он не взял. Они остались в школе и из-за ящиков-упаковки – погибли. Пришлось согласиться ехать без груза. Оплату проезда мы вели на «керенки», которые измерялись аршинами. Керенки были порезаны на полосы, но их достоинство учитывалось слабо: было бы только число обусловленных аршин. Помнится, что нам этот проезд обошелся в 9 аршин (за начальника лишней).

Итак, мы в море. Оно было удивительно спокойно, ярчайшее солнце, лазурь моря, да редкие чайки. Мы валялись на палубе на кошмах и пили чай, кончали рыбу, взятую в дорогу (малосольная белуга), а затем закололи и съели барана. Баран отомстил мне: евши последний плов я маленькой косточкой оцара-

пал пищевод – на 2-й день я не мог ничего проглотить. При 40⁰ температуре воздуха и 40⁰ показывал термометр при замере температуры тела – даже капли воды мне проглотить не удавалось.

Но вот, наконец, морской Астраханский 12-ти футовый рейд – там начинается 60-ти километровый канал, ведущий к пристаням в городе. Но ... подошел военный катер и осмотрев наше судно, арестовал капитана и матросов. Они, оказывается, везли контрабанду из Инзели – табак, который был тогда на вес золота. Наше судно взяли на буксир и вот мы в Астрахани.

Моих спутников увезли в Кремль на дознание, а меня под конвоем красноармейца через весь город повели в лазарет. Туда я добрел почти на исходе сил – дышал со свистом, задыхался. В операционной повсюду были следы крови – шли бои с казаками и врач – пожилой человек, уставший, очевидно, до изнеможения, распорядился санитарам посадить меня на стул. Мне держали руки за спиной стула. Врач вынул из шкафа зонд – никелированный гибкий спиральный прут с грушей на конце, задрал мне подбородок кверху и как шомполом прошел по пищеводу до желудка. Повторив это движение раза три, сказал – никакой кости нет. Холодный металл зонда удалил всю слизь, опухоль уже очевидно, прошла и я и облегчением вздохнул. Получил возможность выпить воды и поблагодарить за «операцию». Под конвоем же меня проводили в Кремль, где комиссар не только освободил меня, но и помог доставиться всем нам на вокзал, где мы и сели в поезд. Решили ехать сначала в Киев. Мы тогда не знали, что Украина оккупирована немцами.

Доехали до ст. Льгов и там, делать нечего, стали пробираться на Ворожбу, откуда можно было проехать в Киев. От Льгова до Ворожбы нас за «метры» керенок, здесь действовала уже метрическая система, крестьянин на подводе в одну лошадь через брод и в объезд каких-то имений, ночью доставил нас к сортировочным путям станции Ворожба. Там огромная очередь «граждан» стояла, ожидая разрешения переступить границу Гетманской Украины.

Осмотр вещей и обыск «подозрительных» вели германские солдаты, гайдамаки и сичевики, в их украинском маскарадном одеянии, были лишь свидетелями. Наши экспедиционные чемоданы привлекали, конечно, внимание. Мы приняли ряд мер и часть имущества, могшего нас скомпрометировать, попрятали в разных местах огромного железнодорожного двора. Я боялся, конечно, за оружие (револьвер, карабины) и за фотоаппараты, заснятые фотопластинки и т.д. Но знание Андрусовым немецкого языка и наш выжженный солнцем вид – спас положение. Мы получили право сесть в поезд на Киев. Собрав исподволь рассованное, мы заняли купе жесткого вагона и вздохнули с облегчением. Но... отъехав километров 5, поезд остановился в выемке и последовала команда «все вещи на откосы, для досмотра». Мы не потащили чемоданы, так как с ними был верный провал. К нам вошел обер и грубовато скомандовал «живо», но я схватил ближайший ящик и так как там была надорвана дощечка снял ее: «О! Херинг!» Это был один из ящиков, которые мы везли родным в Киеве. «Не хоти-

те?» битте», – и я вынул крупную селедку, вторую. Обер стушевался и ушел. Перед тем, как поезд снова забрал все вещи и пассажиров, обер снова пришел и сказал: «Яволь! Лейтенант хотел бы получить один херинг», мы отправили ему три штуки.

Итак, мы прибыли в Киев. В Укргеолкоме я сделал обстоятельный доклад о результатах экспедиции, приведя всех в изумление не только результатами, но и доказанной возможностью работать даже в этих труднейших условиях. Жизнь шла дальше. Политическая ситуация на Украине менялась многократно и неожиданно. Отправляясь с Лукьяновки на Владимирскую улицу, приходилось проверять себя в каком кармане лежит удостоверение, а в каком «посвидчення».

У меня в Киеве был шлюп-бот, построенный мною лично, собственноручно. Он вмещал 6-8 человек, обладал изрядной парусностью и хорошим ходом на веслах – имея их две пары. Эта посудина называлась «Unio», была отлично построена и многие геолкомовцы мне завидовали.

И вот, весна 1119 года, мне предложена была работа в Киеве, где меня занимали вопросы тектоники и выход бучакского горизонта, в котором имелись бурые угли. Угли в киевском горизонте были мне известны по Вышгородским обнажениям. Я изъявил полное согласие. И вот я, М.М. Архангельская и П. Волков, получив все необходимое оборудование, направились вниз по Днепру, провожаемые сотрудниками. За Цепным мостом у Лавры, стояла брандвахта на якоре. Нам просигналили: «Подойдите». Я поднялся наверх. Там меня опросили: «Куда плывете, зачем?» – «В Канев? На лодке? Ну что же – следуйте» Хороший ветерок помог нам быстро продвигаться. И вот мы подошли к селу, расположенному на крутом правом берегу Днепра. Было уже поздно, почти смеркалось. Я решил пристать к левому берегу и, не разводя огня, передремать. Взошла луна, в густоте береговых зарослей чувствовалось какое-то движение и приглушенные голоса. Ощущение какой-то тревоги заставило меня отойти от берега, поднять парус и немедленно скользить вниз по реке, не приближаясь к берегам. Особенно же неприятен был теневой крутой правый берег с селом на нем. Навстречу мне появилась идущая лодка – легкий челнок, в нем ехало двое. В тиши ночи раздался голос: «Винтовку зарядил?» – «Зарядил». «Кто плывет?» Зачем такой вопрос? Я направил бот прямо на лодку. Мои высокие паруса были резко видны. Они отбрасывали лунную тень в лунном свете. Лодка резко свернула и скрылась в зарослях левого берега.

Ночь тянулась, меня все волновало и вот на заре, огибая какую-то косу, я увидел в воде голову, одну, другую. Это были всплывшие трупы военных. Светало. Трупов было много, они приставали к берегу или плыли вниз, колышась на легкой зыби. Потом мы узнали, что это были трупы красноармейцев, вырезанного комсомольского полка, который придя к селению для ликвидации «зеленых» и выгрузившись на берег, был ночью почти целиком вырезан. Они не

приняли должных мер предосторожности и охраны – «зелеными» же были жители села, уверившие командиров, что никаких «зеленых» близко нет.

Мы плыли вниз по реке при сильном ветре и стремились скорее дойти до Канева. Но вот нас стал нагонять пароход. Пароход из речного надзора, но с пушкой на носу и пулеметами, торчащими из рубки.

Он подошел к боту, взял нас на буксир и скомандовал мне подняться на пароход. После опроса и просмотра документов, был отдан приказ «полный вперед». Мой бот с М.М. Архангельской, севшей за румпель, и с Волковым, зарывался в волнах из-под винта. Я просился в лодку для помощи – последовал ответ: ничего, все в порядке. На заре нас отцепили против пристани г. Канев и пожелали успеха в работе.

Я снял хату у крестьянина под базу нашей партии в с. Бесарабка, расположенном чуть выше могилы Т. Шевченко. Мы быстро вошли в темп работы. В Каневе я бывал редко, только по необходимости общения с Райсоветом.

Канев произвел на меня неизгладимые впечатления – красотой своих оврагов и вскрытой в них тектоникой. Мне удалось провести там глазомерную съемку и только последующие обстоятельства помешали завершить интереснейшую работу по проявлению постумных тектонических движений, нарушивших осадки бучакского, харьковского, полтавского ярусов и пестроцветных пород вышележащего разреза – незаконченность этой работы меня всегда гнетет. Боюсь, что в связи с постройкой Каневской гидроэлектростанции, часть Каневских оврагов станут недоступными.

В Каневе мы пережили захват власти лопаткинцами, которые явились внезапно. Появился хозяин моей хаты и просил скрыть двух девушек, так как в г. Каневе начался погром. Девушки были молодые – 16-18 лет, в украинских нарядах, но явные еврейки. Я не возражал и они жили под крышей нашей хаты недели две. Продолжая работу, я был озабочен целостью моего бота, который стоял на берегу Днепра. Подойдя к нему, я увидел двух военных на великолепных лошадях. Новые седла, тороки, пояса и портупей всадников – все выдавало, что эта амуниция только что пущена в дело.

Поздоровались. Я, как обычно, спросил: «Документы?». «Нет, не нужно, мы знаем кто Вы такой и чем занимаетесь». Я удивился. Они посмеялись, а один сказал: «А помните лекцию в овраге, которую вы прочли нашему братану?».

Работу я заканчивал. Лопаткинцев не стало. Они исчезли. Их сменил юнкер деникинских войск. Он приехал по Днепру, снизу, на моторном катере и наклеил на пристани в Каневе листовку: «Я комендант г. Канева приказываю...». Положение сильно осложнилось.

Явившись к коменданту, я заявил кто я, что делаю и просил пропуска в Киев (утверждая, что я закончил работы, что мобилизовать меня нельзя и т.д.). Мои старания ни к чему не приводили. «Вы интеллигент, должны вступить в доброармию генерала Деникина и защищать Россию», Мое положение ухудши-

лось тем, что комендант потребовал от меня, кроме того, предъявление письменных заверений «уважаемых граждан» и «отца Иерея», что я не большевик и им известен. Это сильно усложнило дело. «Уважаемых граждан» я, конечно, не знал, а они меня. Иерей же, открывший мне дверь (он был в шелковой синей рясе с огромным нагрудным крестом и самодовольно поглаживал свою холеную бороду), сказал: «А я не знаю, чем Вы занимались и впредь знать не хочу» – и захлопнул дверь.

В таком положении я встретил одну из девушек, живших у меня во время погрома: «Вы что такой хмурый?» – этим она меня остановила. Я рассказал. «Идите на базар, там есть лавка, у дверей сидит пожилой еврей – это мой отец. Вы его разом узнаете по пейсам и еврейской одежде. Расскажите все ему». Ну что же, попытка не пытка, как говорят. Я нашел отца девушки и рассказал о своем положении. Он подумал немного и сказал: «После завтра придите утром к коменданту, он выдаст Вам пропуск на выезд в Киев». Такой пропуск я действительно и получил.

В это время группа крестьян на челноках собралась ехать в Киев. Везли они туда муку. Киев голодал. Все пароходы по Днепру шли в Киев перегруженные тоже мукой. Это вояки Доброармии везли ее, рискуя утонуть из-за перегруза, в Киев для спекуляции.

Мы выехали с ночи. Я и Волков гребли, а М.М. Архангельская правила. Работа эта потребовала напряжения всех наших сил. Волков – молодой сильный парень, чуть не погиб от переутомления. Плыть пришлось 150 с лишним км, против течения Днепра, на сравнительно тяжелой лодке, с остановками часа на два в сутки для еды и чая. Это был крупный спортивный подвиг. Меня спасала давняя многолетняя тренировка. Угнетала лишь необходимость плыть наравне с челноками, которые были легче и быстрходнее. Выехали мы из Канева в сопровождении 5-6 человек. У Киева их число выросло до 30. Наш бот бросался в глаза в этой армаде. На зорях нас обстреливали с берегов. Однажды мы чуть-чуть не отстали от спутников. Они прошли по протоке за островом, а наша посадка не позволила проплыть – было мелко. Спас положение крестьянин, который громадил воз сена. Я уговорил его взять нас на буксир и протянуть через мелкое место. Он согласился, соблазнившись «керенками», а железный ход его телеги (ось) выдержал нашу буксировку.

И вот Киев. Укргеолком, который «продолжает работы» на 4-м этаже Университета, встретил нас радостно. Мой доклад был воспринят с большим интересом. Но, я повторяю, материал этот остался мною не обработанным.

В Киеве я получил письмо Н.И. Андрусова, который сообщал, что в Симферополе, получил кафедру в Университете. Там же В.И. Вернадский, В.А. Обручев, Двойченко и ряд других известных мне геологов. Они ведут подготовку к чтению университетского курса. Николай Иванович предлагает мне ассистентство и чтение курса безпозвоночных.

Через несколько дней я получил, кроме того, повестку явиться в Военкомат на предмет мобилизации в Доброармию. Все это, вместе взятое, заставило меня выехать в Крым. По совету Н.И. Андрусова я выбрал путь через Ростов, а оттуда в Керчь морем. Мне сопутствовала М.М. Архангельская, которая по прибытии в Керчь, стала моей законной женой.

В Керчь мы попали поздней осенью. В Азовском море пароход пробивался через льды. По адресу, присланному мне Николаем Ивановичем, я явился в Керчи к некому Шпаниону, у которого узнал, что Николай Иванович пережил удар. Шпанион, учтя мое тяжелое положение, советовал выждать некоторое время в Керчи, где он потом устроил меня на работу в Ильинском горнопромышленном Обществе (бурение на питьевую воду) в городе-саде Камыш-Бурун. Этим он облегчил мою незавидную участь. Николай Иванович тяжело заболел, узнав о смерти старшего сына Лени, убитого на Архангельском фронте. Николай Иванович с трудом оправился и жена Надежда Андреевна вскоре увезла его в Париж, где он потом читал лекции в Сорбонне. Мне пришлось испытать всю сложность жизни, находясь в Крыму, оказавшемся в изоляции от Советской России и вести мало кому нужные работы, а затем с трудом перейти на работы в Чекур-Каяшь – на северный рудник, который удалось вернуть бывшему владельцу земли Сулейману-Бей-Тула оглу. Пребывание в Крыму было очень тяжелым с материальной и моральной стороны. Я не служил в учреждениях Врангеля. И только дождавшись Красных Советских войск в Крым, вздохнул свободнее. Я явился в Керченский отдел Народного Хозяйства, где и вел кипучую деятельность: заведуя серным рудником, Чонгелекскими нефтяными промыслами и выполнял ряд многочисленных поручений по Булганакским грязевым сопкам, и даже по обмолоту урожая пшеницы керченских сельских хозяйств. Поздней осенью 1921 года я, по распоряжению из Москвы, был взят на учет научно-технических сил и направлен снова в Киев.

В Киеве первоначально мои работы были связаны с Мелиоводхозом, где я по поручению начальника Киевского отделения инженера Ветрова вел работу в Казаровичьской опытной луговой станции (на р. Ирпень), изучая уровень стояния грунтовых вод в террасах р. Ирпень и обусловленность этим состава растительных ассоциаций. Работая совместно с ботаником, фамилию его я, к сожалению, забыл, мы установил поразительную зависимость состава растительности от уровня грунтовых вод. Мои буровые, давая мне точные данные по режиму в террасах, позволяли точно устанавливать списки флоры, произраставшей в определенных условиях.

Я не знаю, сохранились ли мои записки об этом в Мелиоводхозе и были ли они обнародованы?

Продолжавший свои работы Укргеолком поручил мне в конце 1922 года поиски каолиновых месторождений. Мною был обследован значительный район Белоцерковщины, Уманьщины, Побужья. Было выявлено значительное чис-

ло месторождений, среди которых было Лозовиковское каолиновое месторождение у ст. Попельня.

Там оказался в наличии не учтенный Киевским Совнархозом каолиновый завод помещика Добжинского. Он не только мог быть пущен в ход, но и сохранил на своих сушилах изрядный запас готового каолина, в котором Советский Союз очень нуждался. Решением Укргеолкома я был направлен на дальнейшее обследование каолина, а затем меня назначили директором Лозовиковского каолинового завода Укркаолинкомбината. Мои работы по Укргеолкому тоже продолжались.

Я разведывал Хоцеватское железомарганцевое месторождение, графиты в Завалье и т.д.

Каолиновый завод в Лозовиках вел сезонную добычу каолина. Здание завода было строено из «замыта» – т.е. врытые в землю столбы имели с боков пазы, в которые вкладывались жерди, предварительно обмотанные соломой с глиной и навозом. Вложенный валеk уплотнялся ударами сверху, образуя довольно плотную стенку, толщиной в 25-30 см. Вся стена обвязывалась по верху прогонами, насаженными на шипы вертикальных столбов. Поверх обвязки устанавливались стропила, связанные с балками в виде фермы (немецкие стропила). Перекрытие здания завода было очень значительным, не менее 12-15 м. В здании размещались два ряда крупных бетонных чанов для отстаивания каолиновой пульпы с проходом между чанами, а с боков размещались секции прессов, для получения каолиновых коржей.

Завод, занимая значительную площадь, был сооружен без единого железного гвоздя – крыша крылась гонтом (досками).

Пуск Лозовиковского каолинового завода вызвал значительный приток потребителей. Ими оказались бумажники и парфюмерия, а также другие отделы легкой промышленности, например – мыловаренные заводы, аптекоуправление и т.д. Возник вопрос о расширении производства. Этим вопросом заинтересовался Киевский союз горнорабочих – председатель его Золотаревский выезжал не раз ко мне в Лозовики, где я работал и проживал, и выяснил вопрос о расширении производства. Тогда я предложил перестроить завод и сделать работу круглогодичной. Возникли вопросы – когда строить? Где взять материалы? Кто будет строить? Чем оплачивать рабочих? - Словом, огромный круг мало-разрешимых проблем.

Однако, я и Золотаревский приняли решение строить новый корпус завода летом, не останавливая производство. Новый корпус решили строить, возводя как бы футляр за старыми стенами и только дойдя до крыши, ее монтировать секциями, выключая соответствующие отстойные бассейны (что бы не засорять каолин). К концу летнего сезона приурочить ремонт и модернизацию оборудования.

Стройматериалы использовать (кирпич) из разрушенного спиртоочистительного завода (Горальни) – лежавшего в развалинах. Артель каменщиков да-

вал Золотаревский из Киева. Оплату их труда осуществили за счет реализации мануфактуры, получение которой организовал Фремд в обмен на каолин.

И вот в 1924 году началось строительство зимнего корпуса Лозовиковского каолинового завода. Казавшееся невероятным, было совершено сплоченной работой всего коллектива рабочих. Даже жены рабочих разбирали кирпич на старой горальне, за оплату работы мануфактурой. Это была совершенно необычная стройка – первая Советская стройка завода на Украине. Это являлось даже для нас, участников этой стройки, парадоксальным – почти сказочным. Завод был отстроен, работы шли полным ходом, состоялось торжественное открытие. И вот тогда приехала комиссия Киевского отдела Народного Хозяйства для официальной приемки завода. К этому времени из одной из сушек был создан клуб, где мы показывали рабочим кинофильмы.

Комиссия осмотрела завод и выступила в клубе с заявлением, что она не уверена в том, что завод новый, только что выстроенный. Комиссия считает, что завод лишь обновлен. Это было, подобным грому, ударом. Чего другого, но этого ни я, ни рабочие, и ни Золотаревский не ожидали.

Спас положение бурный протест рабочих и показ фотографий, заснятых во время стройки. На них был виден весь процесс возведения стен вокруг старого завода и монтаж перекрытий. Комиссия приняла завод. Этим мне удалось доказать, что даже сезонные рабочие, крестьяне по существу, включаясь в стройку им понятную и нужную, способны проявить настоящий подвиг. Выполнить немалую задачу, построить крупный кирпичный корпус, для перехода производства на круглогодичный процесс.

В 1924-1925 годах я продолжил выполнять геологические работы по обследованию месторождений Побужья.

В январе 1924 года меня известили, что в Геолкоме (Ленинград) образуется 2-ой прикладной отдел. Намечен был штат инженеров-геологов в 24 человека. Заявок на конкурс было подано 72. Мне для участия в конкурсе, пришлось спешно закончить Горный институт, в котором у меня осталось не сданными 3 предмета – полезные ископаемые, горная статистика и горнотехнический чертеж. Добавился правда, ряд общественных наук.

С января по май 1924 года я закончил всю эту задолженность.

Не безинтересно вспомнить, что на экзамене по горной статистике экзаменатор Иванов мне задал вопрос о Ткибульском и Ткварчельском угольных месторождениях Западной Грузии. О Ткибулях я кое-что сказал, а вот Ткварчели для меня были абсолютно неизвестны. В 1926-1927 годах я разведал это сложное мезозойское месторождение углей; являюсь не только его большим знатоком, настоявшим на необходимости его эксплуатировать, но даже награжден званием Почетного Гражданина гор. Ткварчели – такова судьба.

В мае 1924 года я на конкурсе в Геолкоме, прошел 12-тым и в 1924 и 1925 годах работал на Украине на Побужье, продолжая план прежних работ Укр-

геолкома по изучению месторождений каолина, графита и железомарганцевых руд коры выветривания Украинского кристаллического массива.

Работы были связаны с большим риском и опасностью быть убитым, потерять лошадь, так как конокрадов было очень много, словом рисковать, добиваясь осуществления своих научных целей. Особенно был опасен район Людвиполя, расположенный по левому берегу р. Южного Буга против Первомайска (бывшей Голты). Я ездил на рессорной тележке вдвоем с кучером И. Колодницким, австрийцем, дезертировавшим к нам в первую империалистическую войну. Это был убежденный пацифист и довольно начитанный австрийский крестьянин. Ездили мы конечно без оружия, так как оружие тогда было великой ценностью, не только не спасавшей владельца, но приводившей его к верной гибели. Лошадь у меня была отличная и в хороших руках Колодницкого она была лучше любой автомашины.

И вот, нам пришлось переехать через Южный Буг против Голты и осмотреть ряд точек в районе Людвиполя. Ходила широко версия о конокрадстве в этом районе. Нас предупреждали не ездить туда на лошади, которая заинтересует конокрадов. Но геологи мало чувствительный народ. В Райисполкоме Лювиполя я поставил вопрос о безопасности поездки и получил самые твердые успокоительные заверения. И вот мы с Илько переехали паромом Южный Буг, лошадь стала жаловаться на резкие боли в животе. Пришлось заехать к ветеринарному врачу. Он дал ей что-то и мы, потеряв часа четыре, решили выехать. Высокая, ровная как скатерть, степь. Широченный шлях, поля убраны. Смеркалось, нам до хутора еще оставалось км 8-9 пути. В полнейшей тишине впереди мы слышали мужской надрывный крик. Мимо нас промчалась пара сытых лошадей, запряженных в мажару, то есть телегу для возки снопов хлеба. Вожжи были прoderнуты через пустую мажару, и волочились по земле, а в их изгибе застрял рукав овчинного тулупа, тащившийся за мажарой. Впереди послышался голос: «Давай, давай сюда, одним больше, одним меньше – все равно!» Услышав крик, я сказал: «Илько, скорее туда на помощь», но видя его нерешительность, отобрал у него вожжи. Последующий крик: «Давай сюда!» заставил меня резко свернуть со шляха и следуя зигзагами по кромкам порезки полей, постараться уйти дальше от шляха, тем более что на мягкой почве нашу тележку не было слышно, а сумерки быстро снижали видимость. Затем впереди замелькал огонек, и мы выехали к хутору, который как раз и намечали.

Было уже почти темно. Добрались до хаты предсельсовета, жена сказала, что его нет дома. «Где же он?» – «В степу». Тоже мы слышали и от жены секретаря – «В степу». Мы решили заночевать у колодца. Дали коню сена, а затем его напоили. Как только начало рассветать, мы выехали из хутора и вскоре приблизились к железной дороге, которую нам нужно было переехать. От переезда шел человек. Мы спросили о дороге, он показал на переезд, а затем, остановившись, сказал: «Лучше через переезд не езжайте, больно лошадка у вас хороша. Поезжайте межами, км через 3 полотно переедете без труда». Так мы и

поступили. Вернувшись в Людвиполь, а затем, в Первомайск, я заявил о нашем случае. В Людвиполе нам совершенно нагло ответили: «У нас такого не бывает – удивляемся». В Первомайске посочувствовали и сказали – «обычное дело». Вернувшись в Киев, я вскоре переехал в Ленинград (осень 1925 года), а в 1926 году стал работать в Ткварчелах, организовав там крупные поисковые и разведочные работы.

В 1927 году зимой я прочел в газете «Правда» о конокрадах на Побужье. В районе Людвиполя была арестована шайка конокрадов, в нее входили: зав. сельмагазинами, предсельсоветов, секретари. Ее вскрыл случай. В одном из селений жил старик – имел хорошую пару коней. Ему часто говорили – не убережешь. Но он не верил. На сахарном заводе, км в 25, работал механиком его сын. Он тоже говорил отцу продать лошадей, но тот не соглашался. Осенью, когда старик вез с поля домой снопы, его кружило пять конных – «Давай лошадей». Дед не дал. Началась скачка. Старик на верху воза оборонялся вилами и поранил одного из нападавших. Тогда нападавшие подожгли воз. Пылающий воз мчался по шляху. Старик сгорел заживо. Кони разнесли и покалечились. Сын, узнав, не верил, что старик его сдался без обороны. Он стал выяснять в местных больницах при сахарных заводах, при крупных сельсоветах – не было ли раненых и вот в одном месте ему сказали, что секретарь сельсовета упал на вилы и поранился. При дознании он выдал всю шайку.

Такова была обстановка геологических работ в 1922-1927 годах на Украине.

Мои работы на Украине в период 1922-25 годов были связаны с исследованиями месторождений каолина, графита и железомарганцевых руд коры выветривания. Выявилась очень интересная зависимость формирования каолиновых (первичных) залежей. Всюду они связаны с графито-гнейсами. Последние образуют в Украинском кристаллическом массиве линейно-вытянутые зоны, обособленные от включающих их пород, и имеют преимущественно крутое падение.

Головы пластов гранито-гнейсов при выветривании изменяют состав своих полевых шпатов. Полевые шпаты переходят в опаловидные разновидности, приобретая повышенную плотность и устойчивость. Разрушающиеся легче окружающие породы постепенно выветриваются, разрушаются и эродируются. Зона гранито-гнейса образует как бы устойчивый гребень в рельефе. В бучакский, харьковский, полтавский гребень гранито-гнейса облекается осадками. На границе напластования этих пород видны следы разрушения гребня – вынос дресвы и расположение ее вдоль пластования осадочных пород у гребня. Но главная масса гранито-гнейса продолжает выветриваться. Полевые шпаты (опаловидные разновидности) постепенно теряют силикатную часть и превращаются в каолин. Образуется минеральная зона, состоящая из остаточного кварца и каолина, сохраняющая первичную текстуру гранито-гнейса. Это первичное каолиновое

месторождение. Мои отчеты в Укргеолкоме и Геолкоме содержали описание многочисленных месторождений (около 300).

К отчетам были приложены схематические геологические карты района Побужья (Южный Буг) от Умани до Первомайска. Эти работы, частично в виде статей, предлагалось печатать, имелась положительная рецензия Ю.И. Половинкиной. Но напечатаны не были. В соавторстве с В.И. Лучицким мною был напечатан сборник – Каолины Украины.

**Доктор геолого-минералогических наук,
засл. деятель науки, профессор**

В.В. Мокринский

Геологи Козлов И.К.
Кунина Е.П.

**Некоторые воспоминания о геологоразведочных работах
в системе Министерства геологии и Украинского геологического
управления за довоенный период и в годы Великой Отечественной войны**

Приближается 50-летний юбилей Великой Октябрьской Социалистической революции. С этой датой, примерно, связана и организация Геолкома на Украине, реорганизованного впоследствии в Украинское геологическое Управление. Сотни геологов проработали за эти годы в Управлении и внесли свой вклад в дело развития нашей социалистической промышленности.

Мы, рядовые геологи, Козлов И.К. и Кунина Е.П. тоже работали на протяжении ряда лет в системе Украинского геологического управления.

Оглядываясь на пройденный тяжелый путь борьбы и побед, хочется и нам поделиться своими наиболее яркими воспоминаниями из своей геологической службы в Министерстве геологии. Мы пришли работать в систему Украинского геологического управления в 1929 году после женитьбы и совместного окончания Киевского университета.

До войны каждый из нас участвовал в разведочных работах на Украине и в Крыму, работая на различных геологических объектах.

Первой нашей совместной работой являлись строительные известняки Винницкой области. Затем Е.П. Кунина работала на разведке лабрадоритов в районе Турчинки и Новоград-Волынска Житомирской области. Далее с 1930 по 1938 годы мы оба работали в системе Крымгеолтреста, подчиненного непосредственно Министерству геологии СССР, при чем, Кунина работала на разведке стройматериалов, а Козлов работал преимущественно на разведке водохранилищ. Вода в Крыму, где урожаи часто страдают от засух, имеет первостепенное значение в садоводстве, огородничестве и вообще в орошении земель. Вот в этой связи и хочется рассказать один из оригинальных случаев разведки водохранилища.

В 1930 году меня – Козлова, назначили начальником партии и поручили провести по заданию НКВД гидрогеологическую разведку водохранилища близ исправительной колонии для заключенных в засушливом Джанкойском районе степной части Крыма. Эта колония возделывала своими силами кукурузу, огороды и занималась бахчевым хозяйством. Однако все эти уголья остро нуждались в орошении, так как урожаи часто гибли или весьма страдали, почти ежегодно, от засухи.

После предварительной рекогносцировки мною было установлено, что вблизи этой колонии имеется огромная балка, которая по топографическим условиям оказалась вполне пригодной для создания в ней довольно приличного водохранилища, емкостью, примерно, до 2 млн. кубометров воды. Однако, ко-

гда мы провели геологическую разведку шурфами и скважинами, то выяснили, что по гидрогеологическим условиям балка оказалась совершенно непригодной для создания водохранилища. Все поверхностные четвертичные и подстилающие неогеновые породы оказались водопроницаемыми и пористыми без водопора. Однако глинистые прослойки местами встречались только на поверхности балки, из этого были сделаны важные выводы. Геологические данные были явно отрицательны.

При таких условиях строить плотину было невозможно. И тем не менее, учитывая наличие глинистых пород, расположенных за пределами водохранилища в верховье балки, а также безвыходность положения и отсутствия воды, я впервые дал на свой страх и риск положительное заключение перед лицом такого авторитетного учреждения как НКВД. Однако в моем отчете были вписаны примерно следующие предостережения:

Невзирая на явно отрицательные геологические условия в пределах балки и учитывая безвыходность положения из-за отсутствия водных ресурсов, земляную плотину в устье балки все же целесообразно построить. Ложе водохранилища будет постепенно кальматироваться глинистыми частицами, которые будут принесены весенними потоками из верховья балки на протяжении 10-15 лет.

Первые годы водохранилище будет напоминать собой лужу, площадь которой с каждым годом будет постепенно увеличиваться. Лет через 10-15 водохранилище достигнет своей проектной мощности и будет задерживать ежегодно до 2 млн. кубометров воды за счет талых и дождевых вод.

Кроме того, я строго предупредил в своем отчете, чтобы в пруде не допускали ни в коем случае водопоя скота, так как малейшее нарушение глинистого водопора в пределах ложа водохранилища, может повлечь за собой просачивание и донную фильтрацию, и исчезновение этого водохранилища.

Водопой скота должен осуществляться ниже водослива, то есть со стороны сухого откоса плотины через поильные корыта. При соблюдении же всех санитарных правил, воду этого водохранилища можно будет использовать не только для водопоя скота и орошения сотен гектаров земель колонии, но также и для питьевого водоснабжения поселка.

На следующий год и была построена земляная плотина, согласно того заключения, которое мною было смело предложено.

Лет через 10, проезжая ночью поездом в Севастополь, я с радостью опознал знакомый мне поселок Джанкойского района и увидел возле него живописный пруд, ярко освещенный луной.

Я вспомнил эту дикую безымянную балку, заросшую бурьянами, которую мы когда-то разведывали и, увидев теперешнее водохранилище, с радостью подумал, что наши труды не пропали даром. Конечно, после сооружения Днепровско-Крымского канала, вся система орошения Крыма сильно улучшилась и

изменилась. Однако в 30-х годах и такие небольшие водохранилища имели важное хозяйственное значение.

Хочется рассказать еще один оригинальный случай, который вряд ли можно встретить в практике геологов.

В 1931 году меня – Козлова, назначили начальником Чекур-Кояшской геологоразведочной партии на разведку серы и гипса в Керченском районе, на побережье Черного моря, в безлесной, засушливой степи.

В то время начальник партии совмещал в одном лице решительно все обязанности: геолога, технорука, администратора, зав. кадрами, бухгалтера, счетовода, кассира, завхоза и даже подчас чернорабочего.

Труднее всего оказалось подыскать кадры рабочих, так как в самом поселке Чекур-Кояште работала небольшая серная обогатительная фабрика и все трудоспособное население этого кишлака было уже мобилизовано. Случайных рабочих приходилось с трудом набирать в Керченском порту среди пассажиров, едущих из Кубани в поисках заработка. Таких пассажиров было весьма просто опознать. Они были бедно одеты и все их имущество обычно находилось в скромной котомке за плечами. Подобных «туристов» я собирал в одну группу, после чего им объявлял, что для них есть подходящая работа. На вопрос – что это за работа, я им рассказывал: «В 45-ти км от г. Керчи в сторону г. Феодосии ведется геологическая разведка на серу и гипс, которые имеют весьма важное военно-оборонное значение. Нужно будет копать шурфы (колодцы) и бурить вручную неглубокие (до 10-15 м) скважины. Вся работа сделанная, за исключением дней непогоды или простоев по вине начальника партии. Жить придется у крестьян на поселке. Питание при столовой на обогатительной фабрике. Спецодежда и спецобувь обеспечивается по твердым расценкам в партии в счет зарплаты. Продуктовые пайки и махорка, выдаются в партии согласно существующих скромных норм того времени.

При добросовестном отношении к своему делу – можно иметь приличный заработок.

После таких 3-4-х рейсов в Керченский порт, мне удалось собрать коллектив человек 50. Кроме того, я мобилизовал человек 15 рабочих из соседнего рыболовецкого колхоза, расположенного в одном километре от нашего поселка и обогатительной фабрики, непосредственно на морской террасе. Жили они в рыболовецких куренях. Бригадир этой артели подробно расспросил меня об условиях разведочных работ, про пайки, про оплату труда и т.п.

Переговорив со своей рыболовецкой артелью, он заявил: мы охотно пойдём к тебе в партию поработать, но только с непременным условием – как только начнется осенняя путина, то есть когда пойдет рыба, то мы тотчас же все бросим вашу разведку и немедленно переключимся на рыбалку.

Я обещал этому не препятствовать. После такой договоренности человек 15 рыбалок пришли к нам на работу. На берегу осталось 3 человека рыбалок,

которые охраняли имущество артели и посменно дежурили круглые сутки, наблюдая за ходом хамсы и Керченской сельди.

Так наш коллектив пополнился еще 15 рыбалками, которые оказались очень трудолюбивыми рабочими. Все они работали на сдельной оплате. Рыбаки нам все время помогали свежей и особенно соленой рыбой. Они охотно меняли рабочим жирную хамсу на махорку. Этого количества рабочих оказалось достаточно для выполнения производственного плана.

После тщательного изучения выходов гипсового пласта на поверхность, который близ поселка уже разрабатывался на местной обогатительной фабрике, добывающей серу, я произвел разбивку точек для шурфов и скважин на местности и пометил их колышками-пикетами.

Выходы гипсового пласта местами прослеживались у подножья обширного пологого холма, который и было решено оконтурить с южной и западной стороны разведочными выработками.

После расстановки рабочей силы и топографического отряда для нивелировки, мы приступили к планомерной геологической съемке всего интересующего нас района. Это оказалось очень тяжелой работой (при жаре до 45⁰ и удушающей влажности).

Геология и стратиграфия Чекур-Кояшского серного месторождения и вообще Керченского полуострова были уже хорошо изучены до нас такими корифеями-геологами как Домгер, Гуров, Соколов, инженер-геолог Мокринский, Марков А.К. и др.

Таким образом, нам оставалось только разобраться в этой схеме, подтвердить ее правильность фаунистическими находками, или внести поправки, произвести опробование продуктивной толщи гипса, содержащего вкрапления серы, посчитать запасы серы и наметить перспективы дальнейшей эксплуатации месторождения.

Сводный стратиграфический разрез этого района оказался следующим:

Системы	Отделы	Ярусы
Четвертичная (антропогеновая)	Современный Верхний антропоген Средний антропоген Нижний антропоген	Не расчленялись
Третичная (неоген)	Плиоцен	Куяльницкий, Киммерейский, Понтический
	Миоцен	Меотический, Сарматский, Конкский, Караганский, Чокракский, Майкопский

Интересующая нас продуктивная толща гипса с вкраплениями серы относилась к чокракскому ярусу миоцена.

Не стану описывать всех трудностей в работе, про недостатки оборудования, продовольствия, нерегулярного финансирования Госбанком, текучести рабочей силы, капризов осенней погоды и т.п. Остановлюсь только на одном производственном неожиданном эпизоде.

Когда разведочные работы подходили уже к концу, мы решили произвести опробование в невыветрелой зоне гипсового пласта, в котором была вкраплена сера, являющаяся объектом нашей разведки.

Вмещающая толща гипса относилась к чокракскому горизонту, а подстилающей толщей, как выяснилось позже, оказались глины Майкопского горизонта.

При наличии засушливого резко-континентального климата на Керченском полуострове, где местные жители пользуются для питья дождевой водой, собираемой с крыш домов, нам и в голову не приходило, что могут встретиться мокрые выработки.

Все шурфы у нас были пройдены всухую, без крепления, а скважины проходили даже без обсадных труб. И вдруг в этом глубоком шурфе на глубине 20-ти м над слоем глин мощностью до 0,5 м, появился мощный горизонт грунтовых вод. Работать в забое стало почти невозможно, так как 50% времени уходило на неизбежную откачку воды бадьями. Кроме того, каждому забойщику приходилось «купаться под холодным душем», так как вода, вытекавшая при подъеме (воротком) из бадьи, окатывала его с ног до головы.

В таких мучительных условиях предстояло преодолеть еще 5 м кроющих пород, согласно моих тригонометрических расчетов и еще до 2,5 м продуктивной толщи. Срочно и неожиданно возникла необходимость применения поршневого нагнетательного насоса. Никаких водоотливных средств, кроме ведер и бадьи, в партии не было. Пришлось немедленно ехать в Керчь и обращаться с просьбой предоставить нам во временное пользование насос ко всем коммунальным организациям в городе. Однако, в городе кроме пожарных насосов ничего найти не удалось. К сожалению, эти насосы обладают незначительной 4-х метровой всасывающей способностью, в то время как нам воду приходилось поднимать с глубины 20-27 м. В поисках такого поршневого нагнетательного насоса я поехал на побережье Азовского моря, где работала на соленых лиманах Ленинградская гидрогеологическая экспедиция под руководством профессора Перфильева. Как выяснилось, эта экспедиция занималась изучением лиманных грязей и сероводородных источников для бальнеологических целей.

К сожалению, и тут меня ожидала неудача: никаких насосов у них не оказалось. Зато я тут впервые познакомился с весьма трудным и оригинальным способом топографической разбивки и бурения скважин на лиманных озерах, болотах и трясине, с помощью лодок и плотов. Так ни с чем я и вернулся в свой поселок и мне на месте пришлось «изобретать» способ борьбы с притоком под-

земных вод. Целый вечер я ломал себе голову – что предпринять. К сожалению, со мною не было моего верного друга – жены и не с кем было посоветоваться.

В августе 1931 года у нас родилась дочь, которая впоследствии тоже стала геологом.

Начинались затяжные осенние дожди. Ездить по проселочным дорогам в Крыму по вязким глинам после дождей было почти невозможно. Грязь прилипала жирными комьями к колесам и лошади не в состоянии были тянуть даже пустую телегу. Автомашины буксовали на месте. Съездить в Симферополь за насосом и доставить его к месту работ по такой грязи за 45 км от Керчи было большим подвигом. Это повлекло бы простой в работе не менее 2-х недель. Нужно было что-то делать на месте. И вот тогда меня осенила мысль изготовить в местной кузне поршень Летестю, а имеющиеся у нас 3-х дм обсадные трубы, использовать в качестве цилиндра или нагнетательной части насоса. Штанги использовать в качестве шатуна для прикрепления к нижней части поршня насоса, а верхнюю часть шатуна прикрепить к ручному рычагу. Откачку воды вести вручную силами всей партии круглосуточно, не взирая на пол. возраст и служебное положение. Вся трудность заключалась в самом главном, как изготовить в сельской захудалой кузне, без всяких точных приборов и приспособлений, идеально точный и отшлифованный насосный поршень диаметром в 3 дм. Это главная деталь насоса, имеющая возвратно-поступательное движение внутри цилиндра. Основание же нижней всасывающей обсадной трубы того же диаметра, необходимо было отшлифовать изнутри, чтобы получить гладкую поверхность на всю длину хода поршня, примерно 40 см. Когда я объявил о своих намерениях своему уважаемому Трифону Савельевичу и попросил его убедительно отложить все свои текущие дела, и срочно изготовить для партии необходимый поршень для насоса, кузнец ахнул от удивления.

– Да ты что Кириллович пришел насмехаться надо мной. Разве ты не знаешь, что кроме как ремонта плугов, да ремонта сельских колес, я ничего делать не умею. Ну разве что еще умею подковать лошадь готовой подковой.

– А ты не пугайся, Трифон Савельевич, а внимательно выслушай, посмотри вот на чертежи, форму и размеры, которые я тебе нарисовал и принес и давай совместно с тобой возьмемся, авось что-либо выйдет. Пойми, что такой насос надо до зарезу нужен, из-да чего у нас вся работа стала в поле, а тут уже угрожает зима.

– Ну коли будешь сам помогать и руководить этой работой, то давай попробуем.

И вот мы вдвоем и взялись за этот поистине мученический труд при наличии кузнечного молота, наковальни и напильников. И надо же было случиться, что в эти напряженные дни началась на море осенняя путина.

Рыба шла такой сплошной лавиной, что море буквально кипело, впереди шла косяком хамса, над нею тучами кружилось на бреющем полете несметное количество морских чаек, пожирающих ее с воздуха, а позади ее преследовали

в воде миллионы прожорливых керченских сельдей. Это сплошное смертоносное шествие. Хамса и тюлька, как травоядные рыбешки, обычно питаются травой и водорослями и потому осенью, возвращаясь после «курорта» из Азовского моря, придерживаются мелководья вблизи берега. По тому же пути движутся и нескончаемые лавины сельдей. Наши знакомые рыбаки, пока прошла рыба по их участку, за один день успели два раза «взмахнуть» мелким неводом и поймать до 100 центнеров жирной хамсы и три раза «взмахнули» крупным неводом с размахом крыльев до 2-х км и вытащили до 150 центнеров знаменитой керченской сельди. Вес пойманной рыбы они измеряют «на глазок» деревянными ящиками, куда входит центнер (6 пудов с гаком). Если рыба ушла на соседний колхоз (за 6-8 км), то на чужой территории рыбачить уже нельзя. Таков закон у рыбалок. В открытом же море «путина» не держится, вся масса рыбы движется по мелководью близ берега.

Ночью того же дня внезапно разразился страшный шторм силою до 10 баллов. Волны достигали 10-15 метров высоты. Моторный бот, загруженный керченской сельдью в количестве до 150 центнеров, был выброшен на берег штормом и разбит в щепки. Мертвая сельдь была разбросана и, как снегом, покрыла весь берег на протяжении 5-6 км. В эту страшную ночь погибли два самых сильных рыбака, которые пытались подъехать в лодке к стоящему на якоре боту, однако штормом потопило их лодку, и они погибли. Спасти их не удалось. Узнав об этом несчастье у рыбаков, я быстро мобилизовал своих рабочих, чтобы собрать для рыболовецкого колхоза хотя бы уцелевшую часть улова. Так трагически закончилась путина.

После трех дней упорного труда и неудач, после того, как мы испортили два металлических каркаса, нам наконец удалось удовлетворительно изготовить 3-й поршень Летестю, имеющий конусообразную перфорированную форму. Тщательно отшлифовали рабочую часть внутренней стенки 3-х дюймовой трубы, плотно подогнали поршень, изготовили шариковый приемный клапан, расположили его ниже поршня. Во внутреннюю полость поршня вмонтировали специальный кожаный манжет. Затем все это унесли в поле, смонтировали близ устья шурфа насос, пристроили ручную качалку в виде рычага и, к величайшему удивлению Трифона Савельевича и всех рабочих, насос начал выбрасывать по трубам мощными толчками воду с глубины 20 м. Дебит оказался 1 л/сек. На забое стало сухо и забойщики, посменно, охотно начали работать без всякого холодного «душа», как это было раньше. Началась интенсивная углубка шурфа и выдача пройденной породы «нагора».

Однако это стало возможным при непрерывной откачке воды нашим насосом. Стоило же остановить откачку воды хотя бы на полчаса, как вода снова заливала забой шурфа, и работа внизу становилась невозможной для забойщика. На откачку воды были мобилизованы все рабочие, студенты и служащие партии. Работы велись круглосуточно посменно, под непрерывным осенним дождем. Люди падали от усталости и изнеможения. Меня не раз отсылали до-

мой, чтобы я передохнул, однако я упорно продолжал качать насос и торопить забойщиков.

Наконец, на глубине 25 метров, как и предполагалось, забойщики достигли долгожданного гипсового пласта. И тут снова возникла новая тяжелая проблема – как взорвать и пройти этот пласт для опробования, при наличии притока воды, обычного пороха и бикфордова шнура. Началось опять «изобретательство в кузне». Я снова обратился с очередной просьбой к Трофиму Савельевичу. На сей раз он мне изготовил пять металлических патронов в виде цилиндров, длиной по 0,5 м каждый, диаметром по 2 см. Швы каждого патрона были запаяны оловом. Затем в каждый такой патрон был засыпан заряд пороха. Бикфордов шнур предварительно натерли сапожной смолой и сделали его водонепроницаемым. На каждый из 5 отрезков бикфордова шнура закрепили капсульдетонатор и заложили в заранее приготовленные металлические патроны с порохом. Открытый верх каждого такого патрона заделали сапожной смолой и все заряды стали водонепроницаемы.

На дне шурфа забойщики подготовили 5 глубоких шпуров, куда и заложили эти заряды, при непрерывной откачке воды. Затем запальщик одновременно запалил все 5 шнуров. Мы быстро извлекли «нагора» нашего сапера-запальщика и все разбежались в укрытие. Так как все шнуры были различны по длине, то это дало возможность подсчитать количество подземных взрывов. Их оказалось 5, тогда забойщики смело могли продолжать работу, не боясь «затенных» не взорвавшихся зарядов.

Вся двухметровая толща неветрелого гипса с вкраплениями серы была раздроблена до основания этими взрывами. Мы подняли «нагора» все куски и раздробленную породу, отобрали для анализов необходимые нам пробы из продуктивной толщи и с радостью и сознанием выполненного долга, не взирая на все лишения и трудности, закончили свои работы. После таких трудов и лишений я поблагодарил всех рабочих и служащих партии и предоставил, как начальник партии, три выходных дня подряд, чтобы люди могли прийти в себя. Такой примитивной «техникой» приходилось пользоваться геологам в те времена. Теперь все это у нас кануло в вечность.

В наше время геологи обладают, конечно, могучей, современной техникой и откачка воды из горных выработок не представляет особых трудностей.

В 1932 году по заданию Крымгеолтреста меня – Козлова назначили начальником комплексной гидрогеологической партии в г. Ялте. Разведочные работы пришлось вести одновременно на трех участках: Массандре, близ Ливадии и на 12-м километре Ялтинского шоссе. Изыскания были вызваны тем, что вследствие ошибочного выбора места для бурения скважин Ялтинским Электроводом близ Массандровского водопада, был провален водоупор. Вследствие этого образовалась воронка, диаметр которой быстро увеличивался, и вскоре воронка поглотила весь подземный поток карстовых вод. Весь город со всеми санаториями на 80% остался без воды. Лишь 20% от общей потребности города

поступало из источника, расположенного на 12-м километре Бахчисарайско-Ялтинского шоссе. На Ливадийском же среднем участке оползнями была порвана вся водопроводная сеть труб. Санаторий «Узбекистан» остался буквально без воды. Много трудностей и лишений мне пришлось перенести, как начальнику партии, для ликвидации этих аварий. Целый месяц мы все промучились в Массандре, пытаясь затампонировать огромную подземную воронку аварийной скважины. Этот тампонаж мы пробовали осуществить глинобетоном (смесь глины и песка). Однако мощным подземным потоком всю эту смесь разжимало и уносило на неизвестную глубину по трещинам известняков юрского возраста. Город продолжал мучиться без воды. Зацементировать воронку был невозможно по той же причине. Лишь благодаря собственной смекалке мне удалось справиться с этой безнадежной аварией. Ту же смесь из глины и песка мы заключили в 5-6 килограммовые мешочки, изготовленные силами партии из холста. Когда мы загрузили до 800 таких мешочков через 6-ти дм. обсадную трубу, воронка была наконец затампонирована и водоснабжение г. Ялты к общей радости всех было восстановлено.

Точно также разведали и восстановили водоснабжение санатория на Ливадийском участке. На 3-м участке произвели разведку, гидрогеологическую съемку и опытную откачку воды.

Продолжая обзор наших работ, следует отметить участие геолога Козлова в 1933 году в гидрогеологической съемке всей Криворожской железорудной полосы по заданию Украинского геологического управления. Затем по заданию того же Управления геолог Козлов провел в 1934 году поисковую разведку в Донбассе на огнеупорные динасовые кварциты.

Позднее в 1935 и 1936 году геологи Козлов и Кунина провели детальную и гидрогеологическую разведку бурых углей Юрковского месторождения Звенигородского района Киевской области.

Годы с 1936 по 1941 были проведены Козловым на лекционной работе в зимние периоды в Киевском геологоразведочном техникуме, а летом – на полевых изысканиях полезных ископаемых.

Разведка бурых углей на Украине в начале Великой Отечественной Войны

Еще в начале 1941 года, с целью выявления новых буроугольных месторождений для развития местной промышленности, Украинским Геологическим Управлением была организована Корсуньско-Перещепинская геолого-поисковая партия. Начальником партии был назначен товарищ Козлов И.К., а геологом – Кунина Е.П., которые работали в одном и том же управлении. В мае того же года партия была укомплектована кадрами.

Судя по геологическим предпосылкам, которые были бегло изучены перед выездом в поле, нами было установлено, что залежи бурых углей приуро-

чены на Украине к депрессионным впадинам, расположенным на неровной поверхности Украинского кристаллического массива. Такие впадины с залежами бурых углей были уже известны в районе с. Юрковки Киевской области, села Табурища Кировоградской области, близ г. Кировограда в районе г. Александрии Днепропетровской области.

Предварительно мы собрали данные по гидрогеологическим скважинам, которые были пройдены на правобережной части Украины для водоснабжения некоторых городов, сел и железнодорожных станций. По данным этих скважин мы построили схематический прогнозный меридиональный профиль. Неровная волнистая поверхность ложа Украинского кристаллического массива давала основания предполагать наличие депрессионных впадин, заполненных сверху мощной толщей третичных и четвертичных осадков по правобережью Украины.

С целью выявления предполагаемых депрессий, Украинское геологическое управление одновременно направило в Кировоградскую область два геофизические отряда, которые возглавляли инженеры-геофизики: Горячко И.В. и Ткаченко Е. Однако, от геофизиков, мы так и не успели получить никаких сведений.

Руководствуясь своим прогнозным профилем мы, геологи, сочли целесообразным провести поиски углей в меридиональном направлении от города Ново-Георгиевска Кировоградской области через Знаменку по направлению к г. Александрии Днепропетровской области. Вот почему г. Ново-Георгиевск был избран нами начальным пунктом поисков, и потому все буровое оборудование было направлено нами по Днепру пароходом до пристани – Кременчуг. Оттуда оборудование было направлено катером в Табурища, где велась уже разведка на уголь геологом А.В. Бойко. Я, как начальник поисковой партии, выехал в поле первым, а Кунина и другие сотрудники оставались еще в Киеве для сбора необходимых материалов.

Поиски производились вначале в районе г. Ново-Георгиевска по долине р. Тясьмин, правому притоку р. Днепр.

Однако, в обнажениях по этой долине, никаких признаков угля не было обнаружено. Были выявлены только местами выходы кристаллических пород. При проведении поисковых работ в южном направлении, нам посчастливилось зацепиться за ниточку, которая и привела нас к нужной цели. Такой ниточкой являлась гидрогеологическая скважина, пробуренная когда-то инженером Кокликом С.Г. в с. Золотаревка Ново-Георгиевского района. При бурении скважины им были обнаружены признаки бурого угля. Однако никаких данных о мощности пласта и качестве угля не было.

Местный старожил – пастух, по моей просьбе, показал мне место, где примерно была пробурена эта скважина. Через неделю в с. Золотаревка было доставлено оборудование и началось бурение примитивным ручным способом

с применением воротка. В первой же скважине на глубине 31,5 м мы подняли образец бурого угля.

Поднята первая проба бурого угля 10.06.1941 г. в с. Золотаревка:

1. Прораб – Врублевская А.М.;
  2. Коллектор – Чертков;
  3. Начальник партии – Козлов И.К.;
  4. Старший буровой мастер – Терещенко;
- Рабочие.

На следующий день мы прошли по углю еще 8 м и дошли до первичных каолинов и кристаллических пород. При этом было выявлено два водоносных горизонта – надугольный и подугольный, сомнений не было, это был солидный по мощности буроугольный пласт бучакского яруса палеогена. В связи с этим нами была послана телеграмма в Киев – Геолуправление об открытии буроугольного месторождения в с. Золотаревке Ново-Георгиевского района Кировоградской области. Разведка продолжалась. Нас поздравили ответной телеграммой и пожелали дальнейших успехов. Окрыленные первыми успехами, мы начали расширять работы на большой площади редкой километровой сетью скважин. Было заложено еще четыре скважины, и все они оказались впоследствии с углем. Всего же до эвакуации мы пробурили 6 скважин. Сомнений не было, нам удалось выявить новое довольно крупное месторождение бурых углей в Кировоградской области. Радости нашей не было предела, но, к несчастью, она оказалась очень кратковременной.

Великая Отечественная война

Рано утром 22.06.1941 г. радио возвестило страшную весть о внезапном вероломном нападении Германии на Советский Союз. Партия и правительство тотчас же объявили, что наша Родина находится в опасности, что все силы и все средства должны быть мобилизованы на оборону Отечества и разгром врага. Рано утром ко мне прибежали рабочие и коллектора-студенты с перепуганными лицами, первый вопрос был такой:

– Товарищ начальник, слышали – война?

– Да товарищи, слышал. Это большое несчастье. Все пространство от Балтийского и до Черного моря занято фронтом.

– Что же нам делать?

– Всем оставаться на своих рабочих местах. Работы продолжать еще с большей энергией. Наша доблестная Красная Армия остановит, разобьет и погонит назад фашистские полчища, а наше угольное сырье понадобится государству еще больше, чем до войны. Все идите в поле и работайте на буровых вышках.

Всего разошлись с тревожным чувством.

Призадумался и я над своей судьбой. Вся моя семья – жена и двое детей остались в Киеве. Пребывание там было смертельно опасно. Немецкие стервятники каждый день бомбили Киев и другие крупные города Украины и Белоруссии. Бросить свое производство, хотя бы не несколько дней и поехать за семьей и имуществом мне не позволяла совесть, хотя я и безумно любил свою семью. Мне не хотелось ослаблять трудовую дисциплину в такое тревожное время. Правда я выехал из Киева по-летнему, в одной спецовке, но можно ли теперь думать про какое-то имущество, когда миллионы людей бросают все и идут на фронт защищать Родину. Едучи из Киева, я снялся с воинского учета и был принят на учет в Кременчуге. Я решил срочно вызвать телеграммой к себе семью в село, где было пока относительно спокойно.

Прошло несколько мучительно тревожных дней. Каждый день радио приносило печальные новости о том, что под ударами сил противника, оснащенного мощными танками и авиацией, наши войска в 1941 году были вынуждены отступать с тяжелыми оборонительными боями.

Началась массовая эвакуация людей с запада на восток, вглубь страны. Следом за людьми потянулись на восток миллионы голов скота. Жутко было смотреть на измученных людей, стариков, женщин и детей, беспорядочно двигавшихся среди облаков пыли, под раскаленным солнцем, по нескончаемым проселочным дорогам. Через наше село – Золотаревку прошли нескончаемые вереницы беженцев в сторону г. Кременчуга, где осуществлялась переправа через Днепр по железнодорожному мосту. Большинство беженцев двигалось пешком, на подводах же увозили домашнее имущество, детей и стариков из Молдавии и Бессарабии, неспособных двигаться.

Связь партии с геологическим управлением начала замирать. Финансирование и письма из Киева прекратились, невзирая на мои настойчивые служебные письма и требования. Однако, несмотря на это, мы продолжали упорно вести бурение. Трудно было думать о том, что надвигающаяся угроза войны может так нелепо оборвать удачно начатые разведочные работы. Немецкая авиация, по мере продвижения фронта на восток, немилосердно бомбила все мосты и переправы на Днепре и других реках, чтобы затормозить эвакуацию заводского оборудования, зерна, скота и миллионов беженцев, двигающихся вглубь страны. Главная же цель немцев – это сеять панику, создать пробки и трудности к вывозу нашей военной техники и воинских частей, чтобы их захватить к себе в плен и поживиться трофеями.

Из Киева не было ни писем, ни телеграмм. Я терялся от всяких тревог, волнений и предположений. Спустя три недели после начала войны мне сообщили из местного сельсовета, что два часа тому назад Козлову звонила по телефону жена с Кременчугской пристани, просила прислать ей транспорт и забрать ее с семьей в геологическую партию. Я тут же позвонил по телефону в г. Глинск, где базировался по соседству геофизический отряд Украинского геологического управления под руководством геофизика Ткаченко. Я попросил его,

чтобы мне срочно направили в с. Золотаревку грузовую автомашину, чтобы ночью съездить за семьей на пристань в Кременчуг. Через пару часов прибыла автомашина и мы немедленно уехали на пристань. Трудно передать нашу радостную встречу. Дети прыгали от радости. Едва я успел поздороваться с женой, сестрой и детьми, как была объявлена воздушная тревога. На спящий город налетели немецкие стервятники. Они сбросили на парашютах десятки ярко-ослепительных горящих факелов, которые осветили с большой высоты весь город. Пользуясь таким освещением, гитлеровцы несколько десятков минут бомбили слабо защищенный город. В то время противозенитная артиллерия была еще незначительной по количеству пушек. Большинство стервятников сбрасывали бомбы на железнодорожный мост над Днестром, но, к счастью, безуспешно. Кременчугская пристань расположена вблизи моста, поэтому множество авиабомб упало и разорвалось вблизи пристани, где мы находились в то время. Кругом рвались бомбы и пылали пожары, казалось, что весь город был объят пламенем. Этот кошмар продолжался около полутора или двух часов, которые показались нам вечностью. Однако, наши зенитчики сбили несколько стервятников, пользуясь мощными прожекторами, остальные беспорядочно сбросили бомбы и повернули обратно на запад. Как только был объявлен «отбой», все облегченно вздохнули.

Мы перетаскали вещи на машину и на рассвете вернулись домой в сельскую хату.

Денег не было, рабочие не получали зарплаты, на посылаемые телеграммы Геологическое управление не отвечало.

Все были до предела заняты разведочными работами. Дни летели быстро. Военные действия на фронтах продолжались с переменным успехом. Упоенные легкими победами в Западной Европе, немцы ограбили всю военную технику у побежденных, усилили за счет трофеев свою технику и устремили всю эту военную лавину на Советский Союз, рассчитывая на свою непобедимость и молниеносную войну.

Мы с ужасом наблюдали нескончаемые потоки беженцев из Молдавии и Бессарабии, рассказывающих про страшные зверства и расстрелы фашистами военнопленных, стариков и детей. По-прежнему двигались нескончаемые стада рогатого скота, лошадей, свиней, овец и телят в сторону Днестровской переправы.

Бомбежки города и железнодорожного моста каждый день продолжались и усиливались. Наши войска усилили охрану города и моста, однако бомбежки немецких стервятников продолжались. В один из таких тяжелых дней я все же уехал в Кременчуг, в Госбанк за деньгами. Поездка моя была напрасной, денег не оказалось. Однако в этот день произошли трагические события на моих глазах.

Когда я вышел из Госбанка, огорченный отсутствием денег, внезапно была объявлена воздушная тревога. Милиция и дружинники спешно предложили

проходим спрятаться в бомбоубежище, либо укрыться в ближайшей подворотне в парадном подъезда. Над городом появилась целая эскадрилья немецких бомбардировщиков. Наши зенитчики открыли по ним ураганный огонь. Один из немецких стервятников резко пикировал над городом. Народ, находившийся в бомбоубежищах, бросился бежать, чтобы посмотреть, где рухнет подбитый немецкий стервятник. Однако, выйдя из зоны обстрела, буквально на бреющем полете, бомбардировщик пролетел над крышами домов, круто развернулся и взял курс прямо на мост.

Снова открылась ураганная стрельба из наших пулеметов и орудий. Однако, пользуясь малой высотой, бомбардировщик безнаказанно пролетел над сводами моста, сбросил на середине авиабомбы. Мост рухнул, а стервятник взвился в высоту и ушел на запад. Так, с этого дня, прекратилась железнодорожная связь в районе Кременчуга. Переправа через р. Днепр еще более усложнилась, в городе пылали пожары, а над разрушенным мостом люди ломали себе руки и плакали как дети. С трудом, среди пожарищ, я добрался до Днепра. И тут появилась новая проблема – как и на чем переправиться на правый берег Днепра и преодолеть ночью 25 км. Я устремился на водную станцию, где в мирное время практиковались водные состязания гребцов и спортсменов. Водная станция была пуста. С трудом я разыскал какого-то перепуганного юношу-спортсмена. Еле уговорил его перевезти меня на лодке через реку на правый берег в сторону пос. Крюково. Я искренне поблагодарил своего спутника-спортсмена и отдал ему весь свой запас папирос, которые мне с трудом удалось достать в городе. Дальше мне предстояло преодолеть ночью 25 км совершенно незнакомого бездорожья. Меня только радовала мысль, что впереди уже нет больше водных преград. Однако через километр от Днепра, я увидел, что на моем пути протекает мощная река. Это очевидно одно из старых русел Днепра, уцелевших на правобережной террасе.

Вокруг стояла зловещая тишина, и нигде не было видно ни одной живой души. Вечерело. Помощи ждать было напрасно. Я быстро разделся, костюм свой свернул, положил на голову и туго привязал его ремнем через подбородок. Стояла осень, вода была уже холодная, колючая. Плавал я довольно прилично, и в молодости свободно переплывал Днепр в р-не Киева, однако, когда я доплыл до середины, течение оказалось настолько сильным, что меня понесло вниз и все мои усилия выбраться к правому берегу оказались напрасными. Я напрог свои последние силы и кое-как выбрался на более спокойное течение. Мне оставалось всего 2-3 метра до берега, как вдруг мне свело ноги судорогой, и я чуть не потонул возле самого берега. Одними «саженками» на руках я добрался до случайного куста, за который ухватился и на четвереньках выполз на крутой берег реки.

Не успел я опомниться, как снова началась бомбежка города и наша зенитная артиллерия, отражая очередной налет, щедро, как градом, осыпала осколками весь этот район, где я находился. Меня била лихорадка от холода,

озноба и пережитого ужаса. К счастью, ни один из осколков мене не задел, хотя они и падали буквально рядом. Стрельба эта вскоре прекратилась. Поздно ночью с израненными ногами я добрался по незнакомым волчьим тропам домой.

С каждым последующим днем радио приносило тревожные новости. Немцы бешено рвались на восток, невзирая на огромные потери.

Вскоре мы узнали, что немцы захватили Бессарабию и Молдавию и, как грозная туча, вступили на территорию Кировоградской области. Эвакуация партии стала совершенно неизбежной. Видя, что ожидать денег для выдачи зарплаты рабочим не приходится и что всякая связь с Украинским геологическим управлением прекратилась, мы решили созвать общее собрание, после предварительного совещания с активом и комсомольцами партии. На собрании я объявил:

- товарищи, мы собрались здесь, чтобы услышать горькую правду. Все вы знаете, что немцы уже находятся на подступах к городу Кировограду. Дальнейшая наша разведка угля становится не только бесполезной, но даже вредной, т.к. наше оборудование и результаты разведки могут стать достоянием немецких захватчиков. Сегодня мы ликвидируем партию и распускаем всех рабочих и служащих. Однако вам надлежит выплатить зарплату чуть ли не за два месяца. Денег у нас нет. По неофициальным слухам Украинское геологическое управление покинуло Киев и куда-то эвакуировалось, мы остались совершенно оторванными и потеряли связь. На нашем складе лежит довольно много оборудования, спецодежды и спецобуви. Вместо зарплаты я решил, как начальник партии, на собственный страх и риск раздать вам всю спецовку.

– Правильно, - раздались голоса.

– Кто знает, как будут складываться дальнейшие события. Возможно, что эта спецовка окажется вам еще дороже тех денег, которые вы честно заработали. Завтра утром в 7 часов приходите все на склад, где и будет роздана вся спецовка в соответствии с заработком каждого, пусть ничего не достается коварному врагу.

– Это правильно, товарищ начальник.

– Все, кто желает с нами эвакуироваться вглубь страны, должны срочно собраться и завтра мы постараемся форсировать Днепр на лодках. Кто решил ехать с нами, пусть запишется у нашего прораба Анны Максимовны Врублевской. Однако местные рабочие и работницы в большинстве решили оставаться на месте со словами: «Куда нам ехать из дому против зимы на верную смерть, да еще с детьми, а дома что будет, то будет».

Записались только ИТР и студенты. На этом мы и разошлись. Желая сохранить образцы бурого угля нового месторождения, мы всю последующую ночь потратили на конспиративную работу. По нашей инициативе т. Врублевская А.М. договорилась со своей хозяйкой Акулиной-Козловской о том, чтобы она разрешила спрятать у себя в сарае образцы бурого угля до конца войны.

Главное же это то, что она поклялась сберечь тайну и ничего не выдавать немцам до нашего возвращения.

Ночью в коровнике геолог Кунина Е.П. и Врублевская А.М. собственноручно очистили лопатами площадку от навоза. Вдвоем выкопали яму глубиной до 1 м и на дно этой ямы опустили ящик, куда поместили 35 штук банок с пробами угля, отобранных со всех угольных скважин. Все металлические и стеклянные банки были тщательно залиты парафином для правильного хранения угля. В каждую банку была заложена этикетка с указанием №№ скважин и глубины отбора угольного керна, №№ проб, даты и т.п. Всю ночь, геолог Кунина Е.П. и прораб Врублевская А.М. обливаясь потом, невзирая на кровавые мозоли на руках и отдаленную бомбежку, самоотверженно трудились при скромном освещении «летучей мыши». Ворота сарая были заперты снаружи на замок. Хозяйка периодически патрулировала сарай, чтобы никто не проследил за конспиративной работой двух геологов. Затем яму засыпали, и замаскировали навозом. Я же, как начальник партии, совместно с бухгалтером, всю ночь спешно готовили для рабочих платежную ведомость, а вместо денег была указана спецодежда, спецобувь, примерно равнозначные по цене.

Утром были сложены неиспользованные буровые трубы на колхозном дворе и сданы по акту на хранение председателю колхоза. Вся спецодежда и спецобувь была роздана по ведомостям рабочим и служащим партии. На прощанье мы крепко пожали руки рабочим и колхозникам, а женщины – сотрудницы партии еще и расцеловались с местными девушками и расплакались. На этом мы и расстались.

На левый берег реки Днепра переправились на лодке с помощью лодочника – деда Грицаца.

Приехав в Галещину, мы застали там только одного заместителя начальника партии товарища Дубовика, который сообщил нам, что он недавно вернулся из Донбасса со ст. Барвенково, куда временно эвакуировалось Украинское геологическое управление. Дальше УГУ эвакуировалось из Донбасса в Казахстан и находилось где-то в пути.

Таким образом, мы остались в нерешительности, не зная, куда ехать дальше. Потеряв связь с УГУ, мы эвакуировались по железной дороге сначала на Кубань - ст. Тихорецкая, а в ноябре того же 1941 года - в г. Сталинабад. Не станем описывать всех наших дорожных мучений при дальнейших путешествиях через Каспий и по железной дороге. Вся наша семья переболела в дороге; некоторые сотрудники партии постепенно рассеялись по дороге. Мы похоронили близ ст. Бухары своего сына и еле живыми добрались до г. Сталинабада (Душанбе).

Только здесь мы узнали, что Украинское геологическое управление из Донбасса эвакуировалось в Актюбинск, однако у нас уже не было сил для нового переселения. Там же мы узнали, что геофизик Горячко И.В. с семьей эвакуи-

ровался на восток. Весь 1942 год я проработал геологом-диспетчером Геолконтроля в Таджикском управлении.

Шураб

Первым боевым моим крещением в Таджикистане оказалась командировка в мае 1942 года в Шураб для обследования эксплуатируемого каменноугольного месторождения и выявления всех неполадок в работе.

В довоенное время шахты Шураба занимали первое место в Таджикской республике по количеству и качеству добываемого угля и считались, чем-то вроде нашего Донбасса на Украине.

Шураб расположен в Ленинабадской области, по соседству с Ферганской долиной, на границе между Таджикистаном и Узбекистаном, на южных склонах Алтайского хребта. Поезд прибыл в Шураб вечером и первое, что мне бросилось в глаза, это всхолмленная пустыня и дымящие, а местами горящие штабеля угля, терриконы на ближайшем шахтном дворе и тусклое освещение шахтного поселка – в целом. С трудом я отыскал контору, где мне и дали направление в комнату для приезжих. На завтра утром я снова направился в контору для предварительного ознакомления с производством.

Мне предоставили хлебную карточку и прикрепили в столовую. После скудного обеда я снова направился в контору к главному инженеру для осмотра наружного хозяйства шахтного двора, а также и подземных работ в шахтах.

Переодевшись в брезентовые робы, мы спустились по вертикальному стволу одной из шахт. Достигнув вентиляционного штрека, мы решили осмотреть рабочую часть шахтного поля, где непрерывно велась добыча угля. Для этого оказалось необходимым проползти «по-пластунски» всю длину вентиляционного штрека. Первым пополз по штреку главный инженер, а следом за ним и я. Над нами висела смертельная опасность оседания кровли, которую с трудом сдерживали вертикальные стойки крепежного леса.

Продвигаясь цепочкой, друг за другом, мы часто слышали то впереди, то позади себя зловещий треск стоек под страшной тяжестью кровли. Когда мы наконец выползли, обливаясь потом, из этой западни и очутились в просторной отработанной лаве, кровля вентиляционного штрека на наших глазах села и тогда мы поняли, что если бы опоздали еще на 10 минут, то оба погибли бы. К нашему счастью все обошлось благополучно.

При осмотре отработанной лавы было установлено, что угольный пласт Юрского возраста, полого падал к северу под углом 25° , а выходы пласта, по словам главного инженера, обнажались на поверхности с южной стороны.

Разработки велись вкрест простирания угольного пласта, сплошной широкой лавой, а выработанное пустое пространство немедленно закреплялось крепежным лесом. Для полной же безопасности, образовавшуюся пустоту подвѣргали потом так называемой мокрой забутовке пустыми породами.

Мощность угольного пласта строго выдерживалась до 2,5 м по всему фронту работ. При осмотре выяснилось, что фронт забутовки отставал в среднем на 20-25 м от груди забоя, в то время, по правилам техники безопасности, этот интервал не должен был превышать 10-15 м. Вследствие этого, местами трещал крепежный лес и ломался, как отдельные спички, под тяжестью кровли. Самое же удручающее впечатление оставалось при виде дымящегося угольного пласта в самом забое, который разрабатывался примитивным обушком вручную рабочими.

К счастью все шахты Шураба были безопасны в газовом отношении.

При дальнейшем осмотре, мы убедились, что электролебедки еле-еле работали и что подземное электроосвещение в выработках было также тусклым и недостаточным, а в дыму оно совершенно затемнялось. Стоя среди дымной удушливой камеры, я поневоле вспомнил религиозную картину ада кромешного, которым попы когда-то запугивали всех грешников на земле. Однако, если картина ада была вымышленной, то здесь в угольной шахте это была суровая действительность. Нужно было предпринимать какие-то срочные профилактические меры.

Мы выбрались «нагора» с очень тяжелым подавленным чувством. Зашли в душевую, смыли угольную пыль, грязь и переоделись в свои обычные костюмы.

Уже совсем вечером, по пути домой, мы еще осмотрели работу местной электростанции. Она работала на низкосортном угольном штыбе. Никакого распыления и подогрева угольной пыли в то время не производили. Штыб просто загружался лопатами в топки. Колосники топок быстро засорялись, тяга резко уменьшалась, и пламя становилось «чахоточным» по выражению дежурного кочегара.

Мне теперь стало ясно, почему темно в поселке и в шахтах, и почему так непозволительно отстают земляные работы по мокрой забутовке отработанных угольных пластов в шахте № 1. Не подлежало сомнению, что такая же тяжелая ситуация наблюдалась и на других смежных шахтах, которых я еще не видел. Долго я не мог заснуть, мучительно перебирая в своей памяти, как же нужно бороться с угольными пожарами.

Конечно, легче всего покритиковать завтра на совещании все руководство шахтоуправления. Однако, естественно, ожидать от них и целый ряд конкретных вопросов. В этих тяжелых раздумьях я промучился далеко за полночь и вдруг спохватился. Эврика! Эврика! Нашел! Я, наконец, вспомнил, как профессор Безбородько Н.И., читая курс геохимии и полезных ископаемых в Киевском университете, рассказал нам, студентам, про один оригинальный способ тушения угольных пожаров на Урале и в Шотландии. Там в районе Челябинска добываются юрские угли, которые самовозгораются. По моему-же мнению Шурабские угли однотипны с Челябинскими. Такие каменные угли очень хрупкие, легко ломаются и крошатся и очень богаты сульфидами.

При большой трещиноватости, хрупкости и пористости углей и сравнительно легком доступе кислорода из атмосферы, плохой вентиляции, сернистые соединения быстро окисляются, самонагреваются. Вот почему шурабские угли, сложенные в штабеля на поверхности, все время дымят, а местами самовозгораются. В таких случаях с угольными пожарами нужно бороться известковым молоком, что дает положительный эффект. Это можно сравнить с тушением горящего примуса мокрым одеялом. Пламя в этих случаях совершенно гаснет из-за недостатка кислорода.

При поливке с помощью насоса тлеющих или горящих угольных штабелей известковым молоком, на поверхности образуется непроницаемая известковая корка, которая быстро прекращает доступ кислорода. Вследствие этого пожар ликвидируется.

При повторном самовозгорании из-за появления трещин на известковой планке, приходится бороться с пожарами, борются тем же способом. Этот метод был испробован и внедрен на шахтах Шураба при консультации И.К. Козлова и дал положительные результаты.

Им же была подана идея о брикетировании отходов угледобычи штыба с помощью нефтяного пека, что позволило значительно повысить мощность электростанции.

В последующие годы Великой Отечественной войны 1943-1944 мы оба работали геологами в системе треста Таджикзолоторедмет. Мне, как мужчине, пришлось проработать почти три года на отрогах Памира, а жена работала эти годы в аппарате треста старшим геологом по подсчету запасов редких металлов и заведовала отделом фондов. Все эти три года мне пришлось работать в тяжелых горных условиях на Гиссарском, Зеравшанском и Кара-Мазарском хребтах.

Вначале, в 1943 году меня направили на разведку россыпей золота на границе с Афганистаном в среднем течении р. Пяндж и ее притоках. Затем, мною был обследован золотоносный прииск Дарваз близ г. Гарма на Памире.

В 1943 году, когда гитлеровцам удалось продвинуться до Сталинграда и республике угрожала особая опасность, товарищ Козлов И.К. вступил в ряды ВКП(б) и был полностью подготовлен к отправке на фронт. Однако уцелевших геологов забронировали от призыва в армию и послали на разведку военно-оборонного сырья, главным образом вольфрама.

В 1944 году мною была проведена разведка на высокогорном Кабутинском вольфрамовом месторождении в очень тяжелых условиях, при очень скудном снабжении, в результате чего многие переболели (в том числе и автор) цингой. В том же году мною было обследовано новое Чарух-Дайронское вольфрамовое месторождение в Ленинабадской области.

Таким образом, невзирая на все трудности и недостатки, связанные с войной, мы все эти годы честно и самоотверженно трудились во имя победы над ненавистным врагом и для освобождения оккупированных областей. Как только был освобожден наш родной Киев, 06.11.1943 года мы начали хлопотать

тать, чтобы нас отпустили из треста для возвращения на родину. Однако нам категорически отказали, по-видимому, за деловые качества и нам пришлось еще проработать месяцев 9 пока, наконец, Украинское геологическое управление нас не отозвало из Таджикистана, и не выслало нам вызов в Киев. Вызов нам был послан по инициативе начальника УГУ Кузьменко В.И.

Так мы расстались с трестом Такжикзолоторедмет, где в трудные годы войны нас дружелюбно и тепло приняли геологи в свой коллектив.

После реэвакуации автор проработал геологом в Госплане при СНК СССР полтора года, а в 1946 году снова вернулся на лекционную работу в Киевский геологоразведочный техникум из-за болезни печени и желудка. За 20 лет своей преподавательской работы я обучил до 8000 студентов геологов по трем основным предметам: общая геология, гидрогеология и полезные ископаемые.

Итоги работы

Свои итоги работ по разведке бурых углей на Украине, мы смогли подвести только после реэвакуации в Киеве. Так, в конце 1944 года геолог Кунина Е.П. съездила в с. Золотаревка и раскопала образцы бурого угля, конспиративно скрытые еще в 1941 году в сарае колхозницы А.С. Козловской. Эта скромная, хрупкая женщина, невзирая на все ужасы немецкой оккупации, мужественно выдержала все испытания и сохранила тайну и все образцы угля.

Доставленные в Киев геологом Куниной пробы угля были проанализированы и оказались хорошего качества.

1. Золотаревское месторождение. Летом 1954 года Е.П. Кунина продолжила разведку бурых углей сборным примитивным оборудованием на участке между соседними селами Золотаревкой и Ревовкой Ново-Георгиевского р-на Кировоградской обл. и после тщательного опробования угля из вновь пробуренных скважин и с учетом скважин, пробуренных еще в 1941 году были подсчитаны геологические запасы на площади 60 км², в количестве 217 миллионов тонн.

Такие запасы в полтора раза превысили запасы Александрийского месторождения Днепропетровской области, которое по запасам занимало много лет первое место на Украине.

Далее в 1946 году, продолжая поиски бурых углей в южном направлении по тому же профилю, геолог Кунина Е.П., прораб-геолог Горлова Е.И. и Врублевский А.М. самостоятельно открыли целый ряд новых бурогольных месторождений и углепроявлений со следующими запасами:

2. Лекаревское месторождение выявлено на площади 8,9 км² с геологическими запасами по кат. С₂ кондиционного угля 29 млн. тонн;

3. Медвежье-Ярское месторождение выявлено на площади 5,8 км² с геологическими запасами бурого угля по кат. С₂ – 74 млн. тонн, в том числе 28,5 млн. тонн кондиционного угля;

4. Онуфриевский участок близ с. Онуфриевки характеризуется слабым углепроявлением. Угольный пласт, а возможно угольная линза, мощностью 0,6 м была выявлена лишь одно скважиной на глубине 37,5 до 38,1 м. Качество угля низкое;

5. Участок близ хутора Бутовского характеризуется слабым углепроявлением.

Таков скромный вклад геологов Козлова И.К. и Куниной Е.П. за годы Великой Отечественной войны в дело развития нашей социалистической промышленности. Министерство геологии СССР высоко оценило нашу работу и наградило нас обоих медалями «За доблестный труд в ВОВ» и выдало нам каждому денежные премии.

Позднее Е.П. Кунину наградили еще орденом Трудового Красного Знамени.

В 1947 году геолог Кунина Е.П. и прораб Горлова Е.И. работали последний год в полевых условиях по разведке бурых углей в с. Павлыш Кировоградской области, так как разведка углей была передана Днепропетровскому тресту «Укрбуруголь». Поиски 1947 года проходили при дружественной поддержке и взаимопомощи начальника соседней партии А.П. Стукало. Ему же и было передано Куниной впоследствии все буровое оборудование партии.

Все разведанные запасы и результаты поисков на уголь перечисленных месторождений утверждены ТКЗ, а отчеты хранятся в фондах.

С 1948 по 1958 годы, до ухода на пенсию, Е.П. Кунина проработала старшим инженером-геологом группы неметаллов в отделе фондов УГУ под руководством С.Е. Яблуновского.

Геологи:

Козлов И.К.

Кунина Е.П.

г. Киев, 22.03.1967 г.

С.К. Комоцкий
Главному геологу треста «Киевгеология»
товарищу Стукало

В Геолуправлении мне довелось работать немного, а именно, с июня 1939 года по сентябрь 1950 года.

В 1939 году работал диспетчером (ст. инженером) геологической съемки, помогал геолсъемщикам, используя опыт работы в Донецком бассейне, который является универсальным. Этот опыт получен на результатах работы Л.И. Лутугина и его преданных помощников, которую, как мне кажется, надо считать важной. К сожалению, его метод не получил должного использования в соответствии с поговоркой «хорошая слава лежит, а худая бежит».

В 1940 году мне поручили работы по Большому Донбассу. Никто не хотел браться за эти работы, так как, образно говоря, «дело дышало на ладан». Научки было много, а угольных пластов рабочей мощности не было. Окружающие удивлялись моей «смелости». Но для меня это дело было обычным. За мою «смелость» меня буквально «на руках носили». Заложённая мною скважина встретила ряд рабочих пластов в точном соответствии с проектным разрезом, как по глубине залегания, так и по мощности. Мною была сконструирована специальная буровая коронка, которая позволила хорошо бурить даже малоквалифицированным мастерам. Помогал мне донецкий геолог – В.А. Нечаев. Мною была точно определена глубина до карбона, тогда как геофизики ошиблись на 120 м, показав вместо 150 м – 270 м. Пользуюсь случаем, чтобы сказать, что геофизика не заменяет геолога и, более того, без хорошего геолога – или мало полезна, или даже вредна. Этим я не хочу охаивать сам метод. Хочу только сказать, что хороший метод предполагает не менее хорошего мастера.

После того, как появились угольные пласты рабочей мощности, «погода» резко изменилась. Я стал не нужен, постепенно меня стали «отжимать» от руководства работами, многие или некоторые сочли, что обнаруженные угольные пласты рабочей мощности дело моего «счастья» и что теперь они сами будут их находить.

Во время войны в числе других пытался быть на фронте, но за ненужностью нас откомандировали в тыл.

Будучи в эвакуации за счет, как говорят, бессонных ночей, причем это надо понимать буквально, обобщил материал по Большому Донбассу. Составил геологическую карту на простирании около 30 км.

После реэвакуации Геолуправления меня «ужали» в Сибирь, чтобы в мое отсутствие поделить «портфели». Мне была предложена «почетная отставка», меня назначили старшим инженером Геолконтроля. Но я пошел в добровольную «ссылку», пошел работать в геологический «архив», Геолфонд.

Несмотря на то, что от руководства работами по Большому Донбассу меня освободили, новые скважины все же поручили заложить мне. Но когда ока-

залось, что они попали не туда куда следует – собрали целый «консилиум», не спрашивая моего согласия. На этом «консилиуме» наговорили много глупостей, заложили одну пустую скважину. Мои скважины встретили угольные пласты рабочей мощности в строгом соответствии с проектом. На этом материале я защитил кандидатскую диссертацию. В связи с этим хочется отметить исключительную честность, любовь к объективному, подлинно научному Владимира Алексеевича Ершова.

Не стану описывать ажиотажа вокруг возможности получить Сталинскую премию на основании работ по Большому Донбассу. В этом вопросе меня полностью игнорировали. То же, и в отношении бытовых условий. Не хочу сбиться на описании привходящих обстоятельств, поэтому приведу некоторые объективные данные о моей деятельности.

На основании переоценки геологического материала мною впервые было показано, что в Днепровско-Донецкой впадине имеется природный газ (Кременное). Впервые мною показано наличие разломов в докембрии. Ни то, ни другое никем нигде не упоминается, мой приоритет явно замалчивается. Очень плохо, что мой большой опыт не используется, более того, мои попытки рекомендовать свою бескорыстную помощь лишь наталкиваются на незаслуженные оскорбления.

Чтобы не заслужить упрека за далеко не юбилейный тон, заканчиваю на этом.

Прошу ознакомиться с объективными материалами, имеющимися в фондах.

В журнале «Разведка недр» опубликован мой прогноз Днепровско-Донецкой впадины, подтверждающийся бурением. В одном из журналов «Разведка недр» это отмечено.

Ф фондах же имеется точно датированный материал по «Истории исследований Большого Донбасса».

С уважением

С.К. Комоцкий

21.02.1967 года

Мои воспоминания

Говорить о себе это в первую очередь говорить о той среде, в которой тебе довелось жить и работать.

И.П. Павлов говорил, что живой организм только потому и является живым, то он отвечает на раздражения среды – свет, тепло, звук и т.д. Геологу, каковым является пишущий эти строки, приходится говорить о несколько иных «раздражителях» и только именно с них надо начинать свои воспоминания.

1967 год, великий юбилейный год, но это не только пятидесятилетие Советской власти, это столетие теории пластообразования Н.А. Головкинского. Это сто лет с того момента, когда возникла идея геосинклинали, это 70 лет с тех пор как Л.И. Лутугин начал самостоятельную работу в Донецком бассейне, это 30 лет с того момента, когда возникла работа В.И. Попова «О непрерывности тектонических движений». Это и мой, как и каждого гражданина, скромный юбилей – 37 лет работы на ниве геологии.

Н.А. Головкинский, Л.И. Лутугин и В.И. Попов являются моими учителями, хотя двоих из них мне даже видеть не пришлось. Естественно, что ими круг моих учителей не ограничивается, учителем является вся жизнь, все окружение, вся среда.

Тем не менее, очень коротко хочется сказать о Н.А. Головкинском и Л.И. Лутугине, работы которых наложили отпечаток на всей моей геологической деятельности. Хочется передать читающей молодежи опыт формирования своего сознания, так как, только тогда воспоминания достигнут цели, когда они будут полезны поколению, идущему на смену, помогут ему правильно сформировать свое сознание. Это трудная задача потому, что копировать наш опыт было бы просто неразумно, время идет, все изменяется, использовать наш опыт можно лишь творчески, преломляя наши достижения и ошибки в новой среде.

Свою теорию пластообразования Н.А. Головкинский изложил в своей докторской диссертации, примерно, под таким названием – «Пермские отложения в Камско-Волжском бассейне». Он изложил ее, как мелкую деталь при описании фактического материала.

Л.И. Лутугин положил в основу своих исследований его теорию, хотя работы Н.А. Головкинского не читал. Она была забыта, и только в 40-х годах нашего столетия популяризована. Но тем и силен ученый, что он первым открывает объективный закон, который неизбежно будет или снова открыт другими учеными, или подтвержден народнохозяйственной практикой. Так, например, В.И. Ленин не знал о существовании работы Ф. Энгельса «Диалектика природы», тем не менее, высказывания Энгельса и Ленина не противоречат одно другому.

Л.И. Лутугин, подобно Н.А. Головкинскому, тому закону пластообразования, на основании которого он интерпретировал фактический материал, так-

же отвел более чем скромное место упомянув о нем, между прочим, на одном из съездов горнопромышленников «Юга России».

Моя деятельность в Донбассе началась в 1930 году и первое, что меня поразило – это точность геологических карт и геологических разрезов, составленных Л.И. Лутугиным, на которых он показал протяженность пластов.

Говорят, что Донецкий бассейн – это обнаженный район. Но почему же французский геолог Ле-Пле в 1937-1939 годах заявлял, что в Донбассе нет протяженных пластов, а если бы они даже были, то их нельзя было-бы проследить, так как, как он выразился, Донбасс почти сплошь покрыт растительностью.

Донецкий бассейн обнажил Л.И. Лутугин. Пользуясь топографической картой, геологическим молотком и горным компасом он очень точно показал условия залегания пластов до глубины 1800 м.

Работая на материале Л.И. Лутугина трудно было считать себя геологом, открывателем новых месторождений. Приходилось лишь пользоваться готовым материалом, быть всего лишь мастером по наилучшему использованию уникальных данных. Но радует то обстоятельство, что на основании этого материала довелось развивать взгляды Н.А. Головкинского и Л.И. Лутугина. Удалось найти моменты древний береговых линий многократно мигрирующего каменноугольного моря, о чем говорил в свое время А.П. Карпинский, удалось давать прогнозы по проблеме Большого Донбасса, подтвердившиеся бурением и опубликованные. Удалось установить, что геосинклиналь – это крупный останец, это породы одного возраста, лежащие в синклинальной впадине из пород более древнего возраста, что синклинальная впадина – это не бассейн, в котором отлагались осадки, а результат приложения тектонических сил, которые возникают, как результат приливных, волнообразных колебаний земной поверхности.

Наша молодежь идеализирует геологию, рассматривает ее в романтическом свете. Считается, то полезные ископаемые надо искать только в горах, делать опасные и тяжелые походы, терпеть лишения и т.д.

Житейский опыт показывает, что романтика геологии не в этом, а в том, чтобы еще до того, как совершать походы уже знать – что, где и как лежит. И не только в горах, но и на равнине, не только в пустынях, но и в хорошо обжитых местах, как например в Донбассе.

Вспоминаю свою работу в Донбассе, как ее приходилось организовывать.

Предполагается, что в поле надо ходить в сапогах (кирзовых), в темно-синем костюме, имея в запасе брезентовый плащ. Учитывая местные условия, обжитость района, мне удавалось сильно облегчать полевой труд заменой традиционной спецодежды белоснежным хлопчатобумажным костюмом и хромовыми, на резиновой подошве без каблучков, спортивными ботинками. Головной убор также белоснежный.

К сожалению, многие не придают значения белой одежде, отражающей солнечные лучи, и особенно легкой обуви. Нога человека – это рычаг, один ко-

нец которого свободен, а другой шарнирно соединен с туловищем. Очень много значит, каков вес того, что находится на свободном конце рычага. Здесь даже граммы следует учитывать. Спортсмены это учитывают, а геологи игнорируют.

Одна из зарубежных фирм, рекламируя свою спортивную обувь, доказывала, что она буквально на доли грамма легче другой обуви.

Приехав на полевые работы молодежь сразу рвется в поле, в первый же день набегает десятки километров. А ведь первое, что надо делать – это организовать быт, квартиру, питание, отдых.

В первые дни полевой работы нельзя много, быстро и напряженно ходить. Надо начинать хождение таким образом, чтобы это носило характер легкой прогулки – иначе неизбежны судорожные явления. В длительные хождения надо втягиваться постепенно и тогда можно будет побивать рекорды по длительности и скорости хождения.

Не надо работать в ненастные дни, хватит солнечных, не надо работать «от зари до зари» – это приводит к переутомлению и снижению производительности труда в последующее время.

Не надо полагаться только на ноги. Очень полезен механизированный транспорт. Маленький мотоцикл типа К-125 или К-175, исключительный по проходимости, позволяющий в несколько раз повысить производительность труда геолога.

Не надо забывать, что чрезмерная физическая нагрузка приводит к переутомлению не только физическому, но и умственному.

Утром различаешь все оттенки цвета породы, все ее мельчайшие особенности, к вечеру же только не спутаешь известняк с песчаником. Геолог должен быть очень легко экипирован. Тяжести должны носить, перевозить подсобные люди.

Л.И. Лутугин начинал работу в Донбассе с красивейшего, интереснейшего района Донбасса – Лисичанского. Лисичанск расположен на возвышенном берегу р. Северный Донец. Собралась значительная группа геологов, которая ходила по полю, как бы прогуливаясь, под общим руководством Ф.Н. Чернышева. Поработав в поле, обедали, купались в Донце, вечером играли в карты. Горнопромышленники, которые финансировали работы, приуныли. Им нужны были месторождения для закладки шахт на всей территории Донбасса, все геологи собрались в одном районе. Так прошел год. За этот год была выработана уникальная – лутугинская, весьма трудоемкая, но и весьма эффективная методика работы. Начиная со второго года, каждый геолог получил свой район, свой планшет и пошла производительная работа. По качеству – эта работа до сих пор не превзойдена. Если мы имеем геологическую карту одного и того же района по Иванову, Петрову, Степанову и др., то ни у кого и мысли не возникает составить карту Донбасса не по Лутугину. Он открыл объективную реальность, а она может быть лишь единственной. Именно такая и только такая работа может быть базой настоящей научной работы, каковой пытался заниматься автор дан-

ных строк. Не ему, конечно, судить насколько успешно он использовал прекрасную базу, об этом должны сказать другие. Здесь хочется лишь сказать, что был использован колоссальный фактический материал не только лутугинского, но и позднейшего времени. Впервые была составлена детальная палеогеографическая карта одной из свит Донбасса на 113 листах. Было показано, что образовалось при каждом наступлении (одна карта) и отступлении (две карты) моря.

Аспирантуры, докторантуры не было, тематического задания и финансирования не было, работа велась наряду с выполнением производственных заданий. Лишь в конце многолетнего периода напряженного труда – работа по существу законченная, была включена в план КПИ и получила некоторое финансирование.

Хочется поделиться своим мнением о науке с молодыми геологами.

Представляется считать условным делить работу геолога на производственную и научную. Мыслящий геолог он и производственник, он же, и научный работник. Если геолог не будет на ходу обобщать материал, он перестанет быть настоящим геологом, он будет ремесленником. Мне, например, довелось заниматься наукой с первых дней моей работы по геологии, а ученые степени получить через двадцать лет. То же можно сказать и о В.С. Попове, крупнейшем донецком геологе.

После работы непосредственно в Донбассе мне довелось работать в Карпатах, Казахстане, Сибири, сталкиваясь с такими полезными ископаемыми как мрамор, мергель, каолин и др. Причем, опыт, полученный в Донбассе, позволял справиться с любым полезным ископаемым, пользуясь закономерностями, открытыми на материале Донбасса.

Время, проведенное в Донбассе, вспоминается как лучшие времена жизни.

Когда пришлось работать в качестве преподавателя в институте, было понятно, как много значит иметь большой стаж производственной работы. Каждую лекцию представилось возможным сопровождать примерами из практики, что очень привлекало внимание студентов, привело буквально к стопроцентной посещаемости.

Вспоминается позднейшая лекционная работа на шахтах Донбасса по линии общества «Знание». Как приятно было видеть умиленные лица шахтеров, интересующихся происхождением угольного пласта и той продукции, которая получается при переработке угля. И все это результат напряженного труда, а не случайности «счастья». Многолетняя деятельность позволила прийти к выводу, что высшее счастье, высшее наслаждение это упорный, целенаправленный, напряженный труд, это потребности труда.

В настоящем, 1967 году, пишут многие воспоминания для опубликования всего того, что каждому из нас хотелось бы сказать, потребовались бы многие тома. Поэтому надо быть сдержанным, не растекаться, сбиваясь на мелкие не-

существенные частности, и суметь закончить свои воспоминания так, чтобы читателю не надоело читать.

Хочется закончить свои воспоминания выражением мнения, что, несмотря на многие ошибки, жизнь была прожита недаром, не без пользы обществу и с помощью общества.

Хочется поблагодарить огромный коллектив донецких работников и Украинского геологического управления, которые помогли мне собрать и обобщить большой фактический материал и большой коллектив ученых, членов ВАКа, который помог мне оформить высшую ученую степень доктора.

Грустно, однако, делается, когда слышишь, как говорят о том, что в твоём возрасте надо уходить на пенсию, то есть на безделье и освобождать место молодым.

Следует отметить, что геолог может и должен работать до смерти и труд его тем ценнее, чем он старше. Труд его особенно ценен той молодежи, которой не надо освобождать место (мест хватит), а с которой рука об руку надо работать

01.07.1967 г.

Воспоминания

С начала 1926 года я работал в Гришинском районе Донбасса, в системе треста «Донуголь» в качестве заведующего Самарской группой. Кроме обычной разведки на уголь в районе ст. Доброполье, вел работы по расширению площади угленосного карбона, скрытого под мощным покровом новейших отложений, от р. Гнилуши в направлении к верховьям р. Самары.¹

На территории Украинской части Донбасса это были первые шаги в решении проблемы, которая в дальнейшем именовалась проблемой Большого Донбасса.

В июне 1927 года я был приглашен на работу в Украинский геологический трест (тогда Украинский геологический комитет). Трест (или Комитет) занимал тогда маленький домик на Левашовской улице. Материальной базы у него тогда, если не считать нескольких комплектов ручного бурения, никакой не было. Директором Геолкома тогда был геолог Гогунцев, которого в скором времени сменил В.В. Резниченко, а из геологов, составлявших ядро этого учреждения, которых я помню, были: П.И. Василенко, Р.Р. Выржиковский, В.Н. Чирвинский, М. Фремд, Ф.О. Лысенко, Ю.Г. Дубяга, А.Е. Зеленко, Ф.М. Полонский, В.И. Лучицкий (он заканчивал работу и переезжал в Москву в институт Минерального сырья), Н.И. Безбородько, Г.С. Буренин, Р.Н. Палий, А.В. Липковская, Ю.И. Фрейвальд, М.И. Ожегова, В.И. Крокос, М.Н. Пухтинский, К.А. Цитович и др.). К ним в 1927 году присоединился и я.

Геолтрест (Геолком) в то далекое прошлое время занимался, в основном, геологической съемкой, гидрогеологией и поисками, и разведкой нерудных ископаемых – каолинов, фосфоритов, глин, песков, пегматитов, гранитов и проч. Мне было предложено заняться в 1927 году поисками огнеупорных глин в районе Н. Водолаги под Харьковом. Но когда я начал собираться к выезду на полевые работы, то оказалось, что на мою долю достался только один ручной буровой комплект на глубину около 12 м. Ехать на работу с таким снаряжением, конечно, нельзя было, но, с другой стороны, ехать во что бы то ни стало нужно было, ибо завод требовал сырья. Примерно такое же положение сложилось и у геолога Ф.О. Лысенко, который занимался поисками и разведкой каолинов. Средств для приобретения инструментов Геолтрест (Геолком) не имел.

Чтобы как-то выйти из создавшегося положения, мы с Ф.О. Лысенко, будучи патриотами и любящими свое дело, после всяких треволнений пошли на Подол в частную (тогда были еще частники) мастерскую буровых инструментов Огринчука и купили за свои скудные средства один ручной комплект с двойным набором рабочих инструментов, который потом разделили пополам.

¹ И.П.Савенко, *Результаты разведочных работ на водоразделе между р.р. Гнилушей и Самарой и на реке Самаре в Гришинском районе /Мат. по геол. БД, сборник, ч.1, 1936 г., изд. ВИМСа и Укргеолтреста/*

Это мероприятие позволило справиться с намеченной программой.

В 1928 году материальная база хотя и была улучшена, но недостаточно. Работы Укргеолтреста явно отставали от роста развившейся промышленности. Особенно остро стоял тогда вопрос с минеральной базой в динасовой промышленности. Вопросом исследования и разведки динасового сырья (кварцитов) в 1928-м году мне было предложено заняться, и я, таким образом, стал пионером в создании базы этого вида сырья.

Первые, довольно большого объема, поисковые и разведочные работы под моим непосредственным руководством были выполнены в районе станций Ясиноватой и Авдеевки. Работами выявлены запасы качественного сырья в количестве более 5 000000 тонн.¹

В 1929 году я производил поиски этого же сырья в Попаснянском районе Донбасса. Промышленных залежей третичных кремнистых песчаников здесь, однако, не обнаружено, но обнаружен в районе рудника «Карбонит» нацело окремнелый известняк карбона, содержащий SiO_2 – до 98% и таким образом пригодный для изготовления динаса².

В следующие 1930-1935 годы для удовлетворения запасами кремнистых песчаников (кварцитов) все развивавшейся динасовой промышленности юга СССР поисковыми и разведкой ежегодно, руководство которыми я во все эти годы и осуществлял. Работы, поскольку они не требовали сложного оборудования, всегда успешно выполнялись. Результаты этих работ изложены в составленной мною сводной работе «Минеральная база динасовой промышленности Юга СССР», которая должна быть в фондах Геолтреста. К работе приложено шестьдесят чертежей. В работе по исследованию и разведке динасового сырья, принимали участие геологи: А.А. Балаевич, П.И. Брянский, А.А. Гудаков, Л.А. Пятигорский, Б. Зубков, П.И. Савенко, М.В. Черногорова, В.С. Левитский, А.В. Липковская, А.Н. Козловская, Ф.М. Дысса и др.

В 1929 году работы по проблеме Большого Донбасса в верховьях р. Самары, где они велись после моего ухода из треста «Донуголь» Ленинградским буровым трестом (был тогда такой трест), на ходу были переданы Укргеолтресту. Руководство этими работами, таким образом, с этого времени опять перешло ко мне.

Отметить надо при этом, что к этому времени и сама проблема Большого Донбасса предстала уже в более ясном виде. Она заключалась в том, что то, что обычно называли Донбассом, является только открытой или видимой его частью, не прикрытой или же прикрытой маломощным слоем осадков. Площадь этой части 23000 км².

¹П.И. Савенко, «Наслідки геолого-розвідкових робіт на кремнясті пісковики (кварцити) в Донбасі 1928 року», Вісник УРГРУ, № 15.

²П.И. Савенко, «Геолого-розвідкові роботи на кремнясті пісковики в районі ст.ст. Попасної та Курдюмівки, /Бюллетень УРГРУ, №№ 3-4, 1929 р.

Но, сообразуясь с данными проведенных в то время небольших работ на окраине видимого Донбасса, как и с данными изучения куполов на северо-западе и теоретических построений, тело Донбасса в целом и, в частности, его угленосные толщи не ограничены видимой его частью и распространены далеко за пределы видимого карбона. Грубо говоря, контур Большого Донбасса совпадает с контуром Днепровско-Донецкой впадины, площадь его около 400000 км².

Задача определить границы распространения угленосных толщ под покровом более молодых отложений и выяснить степень их угленосности и представляет собою проблему Большого Донбасса. Я уже хорошо не помню, но как будто в 1930 году для наблюдения за ходом работ по решению проблемы при Главке была выделена тройка в составе: профессора П.И. Степанова – председателя и двух членов – геолога Е.О. Погребницкого и геофизика Н.Н. Самсонова. Геологическое руководство работами на территории УССР тогда же было возложено на топливную группу Геолтреста, руководителем (ст. геологом) которой я тогда был.

Свои воспоминания о работах по проблеме Большого Донбасса я продолжу несколько ниже, а сейчас я вкратце скажу, что на топливную группу возложено было руководство не только работами по проблеме Большого Донбасса, но также и, принявшими в те годы большой размах, работами на бурые угли. Не безынтересно будет при этом вспомнить, что мне, параллельно с общим геологическим руководством работами на бурые угли, и по проблеме Большого Донбасса, из-за недостатка кадров приходилось иногда самому возглавлять некоторые полевые партии. Так, например, мною непосредственно производились поиски между с. Михайловкой и ст. Пятихатки и затем разведка Михайловского и Весело-Терновского месторождений бурого угля.^{1,2,3}

Консультантом по бурым углям все время состоял профессор В.Н. Чирвинский. Геологическую работу в партиях выполняли: Д.Г. Самилкин, А.Г. Московченко, И.Л. Лычак, В.И. Певзнер, А.В. Бойко, Л.Ф. Скорняков, А.П. Гринчук, Е.В. Малеванский, П.И. Савенко, В.Т. Сябряй и др.

В результате работ, как известно, создана надежная база бурых углей, пригодных как для топлива, так и для химической промышленности. Месторождений бурого угля третичного возраста при этом обнаружено так много, и они так кучно сконцентрированы, что это обстоятельство позволило геологу В.Т. Сябряю в своей сводной работе назвать всю эту совокупность месторождений Днепровский буроугольным бассейном.

¹П.И. Савенко. О поисковых работах на бурый уголь между ст. Михайловской и ст. Пятихатки на Криворожье (мат. фондов 1931 г.).

²П.И. Савенко. Новопавлівське (Весело-Тернівське) та Михайлівське родовища бурого вугілля, 1930 р. (Бюлетень УРГУ, №№ 7-8, 1931 р.).

³П.И. Савенко. Овсяно-Михайловское месторождение бурого угля (Вісник АН УРСР, 1936 р.).

Возвращаясь, далее, к рассказу о проблеме Большого Донбасса, отмечу, что для ее решения прежде всего нужно было наметить обоснованный план действий, которым, с наименьшей затратой времени и средств, можно было бы осветить, по возможности, максимум площади. Я считал наиболее целесообразным, в первую очередь, продолжить работы в верховьях р. Самары и изучить более детально Петровский, Камышевахский и Корулькский купола. Далее, для решения проблемы, я считал нужным пробурить ряд опорных структурных скважин, которые явились бы не только расшифровывавшими геологическое строение в местах проходки, но были бы также и опорными для производства геофизических (особенно сейсмических) и геологосъемочных работ. Такие скважины, в первую очередь, были намечены на западной окраине в с. Прещепино, у ст. Варваровки, у ст. Самойловки и у ст. Гавриловки; на северной окраине – в Старобельске и в хуторе Благовещенском. Намеченный план рассмотрен и одобрен не только в тройке по Большому Донбассу, но также и на геологической конференции по проблеме Большого Донбасса, состоявшейся с участием тройки в ЦНИГРИ.

В результате работ на Петровском куполе получен весьма интересный новый материал, освещающий его угленосность и весьма сложное строение. Помимо этого, получены новые данные о развитии здесь в древнем каньоне третичных отложений, относящихся к бучакскому и киевскому ярусам.^{1,2}

Новые данные получены также и по другим куполам.

Не менее интересные сведения получены и по пройденным, в указанных выше местах, скважинам. Так, например, по Перещепинской скважине, заложенной рядом со скважиной, пройденной французской компанией в прошлом веке и описанной Харьковским профессором Борисяком, получены совершенно ошеломляющие сведения; то, что Борисяк, на глубине около 200 м принял за карбон, оказалось в действительности юрой, карбон же здесь залегает на глубине более 600 м.³

Прекрасный материал о распространении карбона дали также пройденные по намеченному плану другие скважины, не говоря уже о том, что в верховьях р. Самары выявлена промышленная угленосность. Помимо этого, некоторыми скважинами в процессе бурения выявлены в более молодых отложениях и другие виды полезных ископаемых, как например, сидерит - в Самойловской скважине, мел и мергеля – в Старобельской и Благовещенской скважинах. В последних – кроме того, в карбоне на глубине 359 м – в Старобельской скважине и на глубине 555 м – в Благовещенском обнаружены изливающиеся сильно минерализованные воды с содержанием радия до $9,2 \times 10\%$.

¹П.И. Савенко. Петровское месторождение ископаемых углей (мат. по геологии Б.Д. Сборник, ч. 1, 1936 г. Изд. Укр.отд. Всесоюзного Н-И. Инст. Мынсырья и Укргеолтреста).

²П.И. Савенко. Пашиківське родовище кам'яного вугілля. 1931 р. (мат. фондів).

³П.И. Савенко. Некоторые данные по геологии Б.Д. (Сборник, ч.1, изд. Укр. отд. ВИМСа и Укргеолтреста, 1936 г.).

Воды представляют несомненный бальнеологический интерес. Как с этой точки зрения, так и с целью выяснения возможности практического извлечения радия, воды заслуживают самого серьезного дальнейшего изучения. Насколько мне известно, в г. Старобельске в настоящее время функционирует водолечебница, использующая воду пробуренной Геолтрестом скважины. Но кроме минерализованных вод в этих двух скважинах в карбоне обнаружен газ, в виде смеси метана, азота и некоторого количества гелия, выделявшийся вместе с изливающимися водами. Отметим должно также, что по Старобельской скважине, помимо вод в карбоне, оказался водоносным также и сеноман. Вода из сеномана самоизливающаяся и пригодна для питья.

Прежде чем закончить излагать воспоминания о работах по проблеме Большого Донбасса, как и вообще о работах топливной группы, я хочу отметить, что в 1931 году в руководстве угольными делами у меня был почти полугодовой перерыв.

В это время я был назначен главным геологом организованной тогда Криворожской базы, реорганизованной в скором же времени в геологоразведочный Комбинат. Этот Комбинат занимался, прежде всего, разведкой железных руд, на которых тогда было задолжено 96 буровых станков. В меньших объемах работы велись на бурые угли, известняки, марганец, кварциты, глины и др. Работать в Комбинате мне, как сказано, пришлось, однако, не долго. После налаживания работ и составления пятилетнего плана по Комбинату я был отозван Укргеолтрестом и продолжал заниматься топливными делами.

Продолжая далее излагать некоторые сведения о работах Геолтреста, мне вспоминается, что, когда были получены новые данные по геологии Большого Донбасса, я свой взгляд на эту проблему несколько изменил или, вернее, не изменил, а уточнил. Дело в том, что в процессе работ, как это видно из изложенного выше, обнаруживались не только угли но и другие виды полезных ископаемых, среди которых были минерализованные воды, газы и даже признаки нефти на Роменском куполе и др. В связи с этим, я и считал проблему Большого Донбасса, проблемой комплексного изучения всех видов полезных ископаемых на площади распространения карбона. Приняв такой взгляд, я в дальнейшем и старался провести в жизнь соответствующий такому взгляду план работ. Мне это, однако, осуществить не удалось, по той причине, что в 1937 году, в период расцвета культа личности, клеветников и пр. гадости, появились «люди», которые либо ничего не смыслили в проблеме Большого Донбасса, либо же под шумок старались создать несчастье другим с тем, чтобы на этом несчастье построить свое счастье. Они, не считаясь даже с тем, что планы работ по проблеме Большого Донбасса рассмотрены и одобрены крупнейшими специалистами СССР, начали пускать «слушок», что я закладывал глубокие буровые скважины на окраинах Донбасса без предварительного производства детальной геологической съемки. А ведь известно, что решая проблему глубокой геологии, как это имело место в нашем случае, геологическая съемка в отношении

карбона, изучение которого преследовала проблема, ровным счетом ничего не даст, нужна для этого какая-то опора, которой, как это сказано раньше, и должны служить заложенные скважины. Небезынтересно в связи с этим отметить, что на этот счет в дальнейшем было даже Постановление правительства о проходе сети опорных скважин на всех привлекающих к себе внимание, но закрытых новейшими отложениями, участках территории СССР. А у нас один «умник» (по должности весьма крупного масштаба) на многочисленном собрании изрек даже, что он в Караганде или где-то в другом месте задачу решал двухсотметровой сеткой, а он (то есть я) закладывает скважины в десятки км одна от другой. В нормальное время для нашего случая, это высказывание просто посчитали бы высказыванием осла, затесавшегося в геологию, но в то время это был для кое-кого «материальчик», которым можно было оперировать в своих низменных целях. Дело разгорелось так, что в 1937 году меня от моей любимой и полезной для Государства работы, которой я отдавал все свои знания и всю свою энергию, оторвали, и я с тех пор больше заниматься геологией на Украине возможности не имел...

Конечно, через некоторое время после отрыва, я без дела не сидел.

Находясь в Заполярье, я сделал для Государства в области геологии очень много полезного. А все то, что мне приписано в 1937 году всякими шептунами, в начале 1955 года отменено, и я полностью реабилитирован. Но мне и сейчас, спустя тридцать лет, жаль, что обстоятельства так печально сложились, что я не смог продолжать работ по Большому Донбассу.

Уже после моего «ухода» из Укргеолтреста работы в верховьях р. Самары были детализированы. За эти работы, как известно, группа работников Геолтреста, к которой в 1959 году (по возвращении из Заполярья) был присоединен как зачинатель этих работ и я, было выдано Государственное денежное вознаграждение. На западной окраине продолжавшимися работами выявлен целый угленосный район, которому дано название «Западный Донбасс». Насколько мне известно, какие-то работы ведутся и на северной окраине Донбасса, но результаты этих работ мне неизвестны.

В заключение хочу отметить, что за время пребывания в Укргеолтресте с 1927 по 1937 годы мною составлено более двадцати геологических отчетов о проделанной работе. Некоторые из них, как это видно из моих воспоминаний, опубликованы в сокращенном виде и изданиях Виса, Укргеолтреста и АН УССР. И наконец, особо хочу отметить, что первая моя работа (отчет) по исследованию и разведке кремнистых песчаников (Наслідки геолого-розвідувальних робіт на кременясті пісковики (кварцити) в Донбасі у 1928 р.) в отношении методики разведки использованы для курса методики разведочного дела И.С. Васильева, Н.В. Барышева, А.Н. Заборовского, В.М. Крейтера, О.К. Ланге и А.К. Матвеева, рекомендованного Комитетом по высшей школе при ЦИК СССР (ОНТИ-НКПТ, СССР, 1933 г.). Помимо этого, работа, как в геоло-

гическом, так и методологическом отношении использована для курса нерудных ископаемых по ред. Татаринова (ОНТИ. 1934 г. 2-е изд. 1935 г.).

Опубликованные работы (отчеты) по Большому Донбассу использовались во всех геологических построениях Донбасса, в частности в работах акад. Архангельского, проф. Пригоровского и др.

На этом я свое повествование заканчиваю. Думаю, что составитель очерка кое-что полезное для своей работы в этом повествовании найдет. Фотографий до 1937 года, как я уже говорил раньше, у меня никаких не сохранилось. В общем, я посылаю Вам то, что как говорят, «чем богаты, тем и рады». Если понадобится какой-нибудь вопрос уточнить или же выяснить какой-либо затронутый мною в воспоминаниях вопрос, прошу обращаться ко мне и я с удовольствием дам разъяснение.

Савенко

Киев 121

ул. Энтузиастов, 47/1, кв. 78

Из воспоминаний о моей геологической работе

В стены существовавшего в Киеве Украинского отделения Геолкома я вступила в 1926 году. Меня, в числе нескольких студентов Киевского Института Народного образования, пригласили в помощь по организации II-го Всесоюзного съезда геологов, который состоялся в Киеве.

На мою долю выпало встречать на вокзале делегатов съезда, а также почастливилось послушать ряд докладов, из которых большое впечатление произвел на меня доклад академика Марии Павловой об исследовательских работах Советских палеонтологов в Средней Азии и результатах изучения ископаемых.

Восторженно смотрела я на строгое, изборожденное глубокими морщинами лицо, озаренное лучами какой-то особой радости, которую может испытывать человек, познавший тайну природы. После этого я начала посещать доклады в Геолкоме, который в то время помещался в 3-х комнатах одноэтажного домика на Левашовской улице.

В то время в геологической науке было увлечение теорией Вегенера о перемещении материков. Геолком отдал и свою дань этой теории. Я слушала доклад молодого тогда геолога Л.Г. Каманина, который высказал предположение о том, что вследствие плавления Сибири по Симе, Крым оторвался от Малой Азии и присоединился к Европе.

Это дало мне повод носить в себе некоторое время сокровенную мысль о том, не отрываются ли в настоящее время от Европы Финляндия и Скандинавия и не присоединится ли она когда-нибудь к Гренландии?

Вначале мне казалось, что геология, чистая наука, не имеющая практического применения в жизни. Наука о полезных ископаемых казалась наукой чисто экономической. Однако в 1927 году я глубже познакомилась с работой Геолкома и его практической деятельностью. Мне пришлось принять участие в гидрогеологическом обследовании курортов Киева, я описывала колодцы с. Борки. Затем началось изучение площадки под строительство существующего ныне здания вокзала Киев-1-пассажирский.

В истории исследования этой площадки было много поучительных фактов, особенно для начинающих геологов. Руководил этой работой А.Е. Зеленко. С перерывами эти работы продолжались до весны 1929 года. Исследования под строительство проводилось тогда Геолкомом во многих местах, как в Киеве, так и за его пределами – как например, по р. Южному Бугу в связи с проектированием гидроэлектростанции.

Вскоре Геолком был преобразован в Украинское районное геологоразведочное управление (УкрГРУ), которое уже помещалось по бульвару Шевченко, №4.

В УкрГРУ начался широкий разворот геолого-съемочных работ в трехверстном масштабе (1:126000), а также поиски и разведка полезных ископаемых – главным образом строительных материалов (песка, известняков, различных глин, мергеля, камня), известняков для сахарной, каолинов для фарфоро-фаянсовой промышленности и т.д.

В 1929 году я работала коллектором Овручской геолого-съемочной партии, в 1930 году – прорабом-геологом по разведке глин для Краматорского цементного завода, в 1931 году – начальником Закраснянской геологоразведочной партии на известняки для сахарной промышленности.

Такой широкий разворот работ потребовал большого числа специалистов-геологов различных профилей. Вот тогда-то, при УкрГРУ в ведении Геолкома, при Совнаркоме был открыт в Киеве Геологоразведочный Институт. Геологи УкрГРУ: Д.Ф. Мельников, Ф.М. Полонский, Ф.О. Лысенко, О.И. Галака, в том числе и я были вовлечены и в педагогическую работу. Летом – поле, а зимой – школа. Крупных стационарных партий тогда, как мне помнится, не было.

Ко второй половине 1931 года накопилось еще много материалов по разведкам различных полезных ископаемых, которые хранились в производственном отделе.

Одним из важнейших этапов моей работы в УкрГРУ было назначение меня после сдачи отчета по Закупнянской партии отв. исполнителем отчетности при производственном отделе.

Тогда ТКЗ не существовало. Начальник УкрГРУ товарищ Мельников предложил мне собрать все отчеты, сданные геологами в производственный отдел и подготовить их так, чтобы можно было на специальном заседании утвердить запасы.

Я собрала 40 отчетов в рукописи с графикой, к каждому из которых были приложены сведения с указанием числа рулонов, кальки, ватмана и синьки – в которых были свернуты рисунки. Профиля тогда вычерчивались в нормальном масштабе, и вообразите себе, что некоторые геологи, как например Ю.И. Успенская (Харьков) приложила к отчету более 10 профилей (разрезы месторождения глин) на листах кальки длиной каждый по 2-5 метров. Многие отчеты были сданы в не законченном виде, и авторы их уехали в Сибирь или Среднюю Азию.

Вот тогда мне пришлось призадуматься над вопросом: в каком виде и при каких обстоятельствах следовало бы принимать в производственный отдел геологические отчеты, и тогда же, по предложению начальника УкрГРУ товарища Мельникова, я составила правила сдачи отчетов, которые были приняты руководством и вошли в силу на некоторый период.

После этого я перешла на штатную педагогическую работу в Горно-геологический Институт, в который был преобразован, организованный ранее, Геологоразведочный Институт и Киевский Госуниверситет (до 1943 г.), затем в

Научно-исследовательский Институт (до 1937 г.) и наконец, в Южспецпроект (до 1939 г.).

С 01.03.1939 года я возобновила свою работу в системе Геолкома в Украинском геологическом управлении, когда начался разворот геолого-съемочных работ уже в м-бе 1:200000. Это начало работ ознаменовалось тем, что съемочные партии: Полонская – начальник Е.И. Матвиенко, Ореховская – начальник Ю.Б. Басс и Мариупольская – начальник В.Г. Кривенко впервые получили на съемку автомашины, а поэтому нам были даны на день 70-140 км² при очень ограниченных лимитах на горючее. Это было большим событием в жизни геологов-съемщиков.

Приходилось выискивать в литературе и на местности сведения о пробуренных скважинах и к концу работ удалось насобирать уже не 4 (как на Овручском листе), а 40 скважин глубиной 80-100 м.

Таковыми же поисками скважин занимался и Ю.Б. Басс со своей партией и В.Г. Кривенко, возглавлявшая геолого-съемочные партии смежных листов.

Собранные данные по скважинам помогли нам расшифровать основные черты геологической структуры заснятых площадей. Была впервые выявлена Конкско-Ялынская впадина, как тектонический элемент, Ю.Б. Бассом была открыта карбонатная марганцовая руда и впервые изучен разрез глубокой структурной скважины Приазовья.

Эту большую, интересную работу по комплексной съемке прервало варварское вторжение фашистов.

С 1944 по 1946 годы пришлось Советскому Союзу залечивать раны, нанесенные фашистами. Геологическому управлению, в первую очередь, нужно было составлять справочники по строительным материалам, а затем уже искать новые полезные ископаемые. Для этого, также в первую очередь, составлялись геологические карты масштаба 1:500 000. В этой работе мне пришлось принимать самое активное участие. И только с 1947 года снова начала возобновляться комплексная геологическая съемка.

В это время в Украинское геологическое управление была передана из научно-исследовательского гидрометеорологического института гидрогеологическая станция по режиму грунтовых вод, организацией которой я занималась, будучи на работе в этом институте. Поэтому, в 1940 году, после сдачи отчета Полонской партии, я составила новый, по существу первый проект на работу гидрогеологической станции по изучению режима различных типов подземных вод и приступила к обработке данных предыдущих наблюдений по режиму грунтовых вод.

В 1941 году работа была прервана Великой Отечественной Войной.

Возобновилась она 10.02.1944 г., после того как Укргеолуправление реэвакуировалось и начало работы по восстановлению разрушенного гитлеровцами народного хозяйства Советского народа. Основной работой восстановительного периода было составление:

1. Справочников строительных материалов и обследование месторождений. Я составила справочник стройматериалов Днепропетровской области. По окончании этой работы началось составление комплексных геологических карт м-ба 1:500 000;

2. В этой работе я принимала участие как ответственный исполнитель по 3-м листам – Кировоградскому, Харьковскому, Сталинскому. Карты масштаба 1:500 000 широко известны геологам;

3. Затем опять возобновилась работа по комплексной геологической съемке м-ба 1:200 000.

Следующим очень важным этапом в отрасли геологической съемки было составление комплекса карт, в том числе методических и палеографических, освещающих глубинную геологию и закономерности распространения полезных ископаемых.

После 1951 года начался новый этап в методике и полевых и камеральных работ по комплексной геологической съемке, дававший прогноз.

Комплекс полевых исследований расширился шлиховым опробованием всех слоев (не только аллювия), изучением керн скважин, пробуренных различными организациями на территории съемки, специальным картировочным бурением, более глубокой проработкой геофизических данных и пр., а также построением в камеральном периоде литологических и палеографических карт, совершенно не предусмотренных никакими инструкциями.

Трудно было коллективу геолого-съемщиков проводить в жизнь новую методику, но она себя оправдала и наш коллектив отдела съемки может гордиться своим достижениями, открывшими новые перспективы для поисков и разведки новых месторождений различных полезных ископаемых, а в том числе и титана.

Как старший геолог я принимала участие в съемке и составлении комплекса карт м-ба 1:200 000 листов – Каневского, Петропавловского, Днепропетровского и Днепродзержинского (1949-1954 годы).

Наиболее полный комплект карт составлен по Днепродзержинскому листу, при съемке которого особое внимание было обращено на выявление фациального состава пород и шлиховому опробованию, давшее весьма ценные результаты.

В течение последних лет (1955-1957 годы) мне пришлось оказывать помощь в полевом и в камеральном периодах молодым специалистам, а также быть ответственным исполнителем по составлению геологической карты Львовского листа, м-ба 1:1 000000.

Мысли, которые меня занимают в настоящий момент, направлены на вопрос – как добиться организации работ по изучению и обобщению данных того бесконечно большого количества бурения, которое произведено, производится и в дальнейшем будет производиться на территории Украинской ССР.

И я отвечала себе – геолог изучил бы скважины; он нарисовал бы истинную картину слоев земных и всего полезного, что в них содержится.

Так думала не только я, так думали и думают в настоящее время геологи-съемщики.

После 1951 года начался новый этап в методике комплексной геолого-съемочной партии. Комплекс полевых исследований расширился шлиховым опробованием, изучением разрезов глубоких скважин, пробуренных различными организациями, бурением специальных картировочных скважин более углубленным изучением геофизических данных и построением в камеральном периоде литологических и палеогеографических карт, совершенно не предусмотренных никакой инструкцией.

Результатом этого нового этапа геолого-съемочных работ мы имеем открытие целого ряда новых месторождений полезных ископаемых, среди которых особо важным является открытие месторождения титана.

К биографии Юрия Григорьевича Дубяги

Ю.Г. Дубяга родился в 1888 году в селе Борках Зеньковского уезда Полтавской губернии.

Среднее образование он получил в реальном училище в г. Ромны, после чего поступил в 1909 году в Петербургский Горный Институт, который и закончил (с перерывами) в 1923 году.

В студенческие годы, помимо учебы, Ю.Г. Дубяга принимает активное участие в общественной жизни передового студенчества и в дореволюционный период ведет революционно-просветительскую работу среди солдат-украинцев воинских частей города Петрограда.

По окончании Горного Института Ю.Г. Дубяга остается в Ленинграде и работает в качестве научного сотрудника в геологическом комитете, ныне ВСЕГЕИ, по изучению геологического строения Украины, в частности, Криворожского железорудного бассейна; проводит трехверстную геологическую съемку планшетов XXVI-12 и XXVII-12 и т.п. Для выполнения указанных заданий систематически, начиная с 1921 года, выезжает на Украину по месту работ.

Попутно с работой по специальности Ю.Г. Дубяга участвует активно в общественной жизни, читает лекции на рабфаке при Горном институте и т.п.

Из печатных работ этого периода можно отметить:

1. Плагноклазовые граниты р. Саксагани, 1923 г., изд. Геолкома, отдельный оттиск;

2. «Геологические исследования листа XXVI-12 трехверстной карты Украины» (Предварительный отчет за 1925 г., Известия Геолкома, 1927 г. №1). «Железорудное месторождение Криворога» (труды всесоюзного геологоразведочного объединения НКТП, вып. 153). По этой работе Ю.Г. Дубяга является соавтором совместно с проф. Свитальским Н.И., Половинкиной Ю.И. и др.

В 1927 году Геолком откомандировал Ю.Г. Дубягу в г. Киев, в Украинское Отделение Геологического Комитета, в системе которого он и работал почти до конца 1935 года.

В системе Укргеолком – УГРТ (УНИГРИ) товарищ Дубяга последовательно работал в должности ученого секретаря, начальника геолого-съемочных и геологоразведочных партий, в основном на графиты, руководителя темы «Криворожское железорудное месторождение» и исследователя Завальско-Хощеватского комплекса пород Побужья.

Изучение Криворожского железорудного месторождения нашло отражение в монографии, составленной коллективом авторов в тридцатых годах.

Большое внимание Ю.Г. Дубягой было уделено изучению графитовых месторождений Криворожья и Побужья, в частности, Завальевского, разведкой которого он руководил в течение ряда лет, также Петровского, Бабенковского, Водянского и др.

Попутно им была составлена методика опробования графитов, что отражено в работе «До методики випробування графітових родовищ» (Изд. Геолкома, 1934 г.).

Выполнение указанных выше работ дало не только непосредственно большие практические результаты в деле обеспечения сырьем металлургической и графитовой промышленности, но и содействовало определению направления последующей разведки данных полезных ископаемых.

Ю.Г. Дубяге принадлежит приоритет открытия ультраосновных пород на Украине, в бассейне р. Южный Буг, что нашло свое отражение в работе «Завальско-Хощеватский комплекс изверженных темноцветных пород и хромитовые пироксениты», напечатанной в сборнике «Докембрии УССР» (№1, изд. 1937 г.).

Ценностью этой работы является то, что Ю.Г. Дубяга впервые дал новую трактовку по ряду вопросов, касающихся геологического строения Побужья и впервые, за все время изучения геологии Украины, поднял вопрос о возможности наличия на Побужье месторождений хрома, никеля и платины.

В дальнейшем прогнозы товарища Дубяги оправдались как в смысле выявления новых площадей распространения графитовых руд, так и в отношении открытия на Побужье месторождений никеля.

В 1932 году Ю.Г. Дубяга был отмечен значком «Ударника 1932 года, завершающего пятилетку» за №36/026314.

Параллельно с основной работой в системе Укргеолком – УНИГРИ, Ю.Г. Дубяга работал в Киевском Горно-геологическом Институте с момента его основания в 1930 году и до перевода его в г. Днепропетровск в 1935 году.

Ю.Г. Дубяга был профессором геологоразведочного факультета, организатором и руководителем минерало-петрографической кафедры (до слияния ее с геологической в 1933 г.), деканом геологоразведочного факультета в первый год существования института.

Профессорское звание ему было присвоено особой комиссией под председательством академика Федорова.

Первые волны репрессии периода культа личности настигли Ю.Г. Дубягу в 1935 году. Он был принужден покинуть г. Киев, но еще почти два года проработал в Киргизском рудоуправлении на должности старшего геолога и начальника Киргизской Стационарной геологоразведочной партии по разведке полиметаллических месторождений Актюз и Буурду и по 10-ти верстной геологической съемке в районе последнего.

В сентябре 1937 года Ю.Г. Дубяга, как геолог, перестал существовать и скончался в 1943 году в дальних северных лагерях.

Энтузиаст своего дела, скромный, трудолюбивый и требовательный к себе и другим работникам, хороший, отзывчивый товарищ и общественник – Ю.Г. Дубяга заслужил право на уважение и добрую память всех, кто близко сталкивался с ним на его жизненном пути.

К биографии Павла Ивановича Василенко

Василенко Павел Иванович родился в 1891 году в семье сельского учителя на Полтавщине.

Высшее образование получил в Ленинградском Горном институте, поступив туда в 1909 году, а закончил его только в 1924 году с большими перерывами в учебе – удел необеспеченных студентов тех времен. Будучи студентом старших курсов принимал участие в изыскательских, гидротехнических, геологических, мелиоративных партиях.

Работал в Приамурье, Донбассе, на Полтавщине.

В годы революции и первые годы становления Советской власти деятельно работал по созданию и объединению низовых кредитных и потребительских кооперативов на Украине. Как инструктор Союза кооперативов принимал участие в организации и ведении краткосрочных курсов по подготовке кадров для этих кооперативов.

С дипломом горного инженера в 1927 году поступает младшим научным сотрудником в геологический кабинет УАН (под руководством акад. П.А. Тутковского), впоследствии Научно-исследовательский Институт Геологии УАН и здесь работал старшим научным сотрудником до апреля 1937 года. Одновременно работал в Киевском геологоразведочном тресте (последующих переименований и дат не помню) в должности инженера-геолога как начальник геологоразведочных партий, а в последние годы – консультантом таких партий.

Василенко П.И. разведывал:

1. Янтари Киевщины – поисковая предварительная разведка в 1926 г., и выборочно-детальная – в 1929 году;

2. Известняки на Одесчине – Вапнярка, Рыбница – для нужд сахарной промышленности в 1927 году;

3. Проведена разведка на марганец и попутно - железные руды, графиты, каолин в районе Хошеватого на Побужье – 1924 -1926 годы;

4. Проводил поисково-разведочные работы на полевые шпаты в Житомирской обл. для стекло-фаянсовой промышленности – 1927 год;

5. С 1928 года вел предварительную, а местами детальную разведку, на марганец в Никопольском марганцево-рудном районе вплоть до 1937 года.

Итоги десятилетней исследовательской работы по Никопольским марганцевым рудам остались в виде напечатанной на машинке, откорректированной, со всеми графическими, цифровыми материалами, таблицами, картами, фотографиями, вполне подготовленной к печати объемистой рукописи – «Никопольский марганцево-рудный район».

До этой заключительной обобщающей работы (в рукописи) по Никопольскому марганцево-рудному району, результаты произведенных Василенко П.И. разведок, с последующей камеральной обработкой, в основном, на марганцевые руды, а также и другие (например – янтарь) были опубликованы в печати, как

отдельными изданиями, так и в соответствующих сборниках трудов по Тресту или Геологическому институту. К сожалению, не могу указать ни места, ни дат напечатания, ни заголовков.

Хотя и смутно, но все же достоверно помню, что кроме основной темы – разведка и обработка данных по ископаемым, Василенко работал над созданием Геологической карты Украины, школьного Атласа, участвовал в составлении украинско-русского словаря в части «горнорудное дело» (годы 1924-1926). Дал много экспонатов для геологического музея УАН, как например янтари, кости скелета мамонта, найденные им в районе с. Соломии на Южном Буге. Был одним из первых преподавателей открывшегося тогда в Киеве геологоразведочного техникума (1-2 года).

В 1935 году Василенко П.И. была присуждена ученая степень кандидата геологических наук по совокупности научных работ.

Скромный, честный, отзывчивый человек и товарищ. В работе добросовестно и увлеченно искал, были и неудачи, конечно, но настойчиво добивался точных научных и жизненно необходимых данных.

Влюбленный в свою работу геолога-разведчика, рядовой огромной армии советских геологов-энтузиастов.

Трудовая деятельность и жизнь Василенка Павла Ивановича оборвалась на подъеме плодотворного творческого пути в 1938 году.

Е. Василенко

1 марта 1967 года.

Зеленко А.Е.

Александр Ефимович Зеленко родился в 1894 году в г. Киеве в семье рабочего-печатника Ефима Ивановича Зеленко – орденосца (орден Трудового Красного Знамени).

В 1913 году А.Е. Зеленко окончил 1-ую Киевскую гимназию. В 1917 году окончил Киевский Университет, физико-математический факультет, естественное отделение. В 1918 году было организовано проф. В.И. Лучицким Украинское отделение геологического комитета, где А.Е. Зеленко работал в должности адъюнкт-геолога.

В Известиях Украинского отделения геологического комитета печатались отчеты о работах. Так, за 1924 год выпуск 5 А.Е. Зеленко отчитывается в обследовании за 1923 год района каолинового месторождения окрестностей сел Паланка и Вапнярки Подольской губернии Тульчинского округа. Статья называется «Новые данные по геологии района с. Паланки Подольской губернии».

В Известиях Украинского отделения геологического комитета за 1925 году в. 6 излагаются результаты работа лета 1921 года А.Е. Зеленко «О графитовых месторождениях м. Хоцеватого, с. Молчановки, с. Кошар-Александровских, с. Капитоновки и некоторых других Подольской и Одесской губернии».

В Известиях Украинского отделения геологического комитета за 1926 год в. 7 А.Е. Зеленко составлен «Отчет о состоянии и деятельности УОГК от 01 октября 1924 года по 01 октября 1925 года». В 1925 году А.Е. Зеленко производит разведку Изюмских фосфоритов.

Исследование фосфоритового района, который лежит главным образом в границах долин р. Северный Донец, между р. Северный Донец, ст. Савинцы и Святогорском, общей площадью 600 кв. верст. Детальная разведка охватила фосфоритовую площадь возле с. Малой Камышевки. Разведка в Изюмском районе показала, что промышленное значение имеют только фосфориты мелового возраста – м. Камышевахское, Протопоповское, Сеничены-Яремовское и гора Кременец. Разведка была внесена в пятилетний план работы УОГК. В этом же году А.Е. Зеленко была подготовлена статья «К характеристике каолинового месторождения Новоселицы».

В Известиях Отделения Геологического Комитета 1927 года в. 10 А.Е. Зеленко пишет отчет о детальности Изюмской фосфоритовой разведочной партии Укргеолкома (лето 1925 года). Работы разведочной фосфоритовой партии 1925 года были организованы по постановлению ВСНХ и Госплана Украины.

Обследование охватило г. Изюм, с. Протопоповку, ст. Лозовую, г. Славянск, то есть фосфоритовые месторождения по течению реки Северный Донец с притоками Оскол, Каменка, Беленькая, Черкасская, Бахмут и др. Иначе разведана значительная часть М-Камышевахской мульды и установлены на разведанной площади огромные залежи фосфорита.

В Известиях Украинского отделения геологического комитета 1929 года в. 12 А.Е. Зеленко пишет о достижениях УОГК в области прикладной геологии за 10 лет его существования.

Бюллетень Украинского отделения геологического комитета №№1-2 1929 года г. Киев А.Е. Зеленко «Дослідження будівельних матеріалів Побужжя». Исследования проводились на протяжении двух лет 1926-1927 и 1927-1928 годов.

Бюллетень Украинского Районного Геологоразведочного Управления №№3-4 г. Киев, 1929 г. А.Е. Зеленко «Геолого-розшукові роботи фосфоритової партії Донбасу 1928-1929 років».

А.Е. Зеленко были составлены следующие научно-популярные статьи;

1. «Розвиток життя та геологічне минуле землі»;
2. «Колишні моря на Україні»;
3. «Про життя річок»;
4. «Походження і види мінеральних угноєнь».

Известия УОГК 1922 г. в. 13 А.Е. Зеленко «Материалы по геологии Изюмского фосфоритового района», ч. 2.

Новые данные подтвердили высказанное годом раньше мнение, что Изюмский район дает неограниченные возможности в смысле развития фосфоритовой промышленности.

В «Бюлетені Української районної геолого-розвідкової Управи» №5-6, Київ, 1930 р., А.Е. Зеленко информирует об организации с 06 января по 25 марта 1930 года в Ленинграде курсов повышения квалификации геологоразведочного персонала. Со всего Союза было 174 слушателя (из них с УРГРУ – 5 человек).

В «Разведке недр» 1935 года №15, Государственное объединенное научно-техническое изд. НКТП СССР статья А.Е. Зеленко и С.И. Жарий «О химическом составе шахтных вод Криворожья».

Как гидрогеолог, А.Е. Зеленко работал в Институте Водного Хозяйства УАН – исследовал малые реки Днепровского бассейна.

Также А.Е. Зеленко занимался педагогической работой. В 1928-1929 годах преподавал в Гидрогеологическом техникуме (который находился на Трехсвятительской улице). В Горно-геологическом Институте А.Е. Зеленко работал с 1931 год по 1935 год, а в Гидромелиоративном Институте – 1935 года по 1947 год.

Решением Высшей Аттестационной Комиссии от 28 июня 1938 года (протокол №29/30) А.Е. Зеленко утвержден в ученом звании профессора по кафедре «гидрогеология и геология» (аттестат профессора №002990).

Последние 10 лет жизни А.Е. Зеленко тяжело болел полиартритом и умер 12 июля 1950 года в г. Остре Черниговской области, где и похоронен.

Кожич-Зеленко М.П.

29.03.1967 года.

А.М. Головенко
В.А. Нечаев

**Краткая история
партизанского отряда партизанского соединения
«Авангард» в Донбассе**

Еще в начале 30-х годов академик П.И. Степанов настаивал на том, что угольные пласты не заканчиваются на западе в Добропольском районе, а залегая на все больших глубинах, должны быть и на территории Александровского района.

Последующие геологоразведочные работы подтвердили идею Степанова; угленосные толщи выявлены и на других окраинах Донбасса, что и оправдывает появление нового понятия Большой Донбасс.

Геологоразведочные работы в западном секторе Большого Донбасса по настоящему развернулись с 1939 года, когда в долине р. Самары у хутора Новая-Полтава были заложены Украинским геологическим управлением и трестом «Донбассуглегеология» первые две глубокие скважины.

В первой половине 1941 года обе скважины вскрыли пласты каменного угля рабочей мощности, чем и было доказано сохранение угленосности Донбасса к западу (в настоящее время разведка угля производится в Лозовском районе, а разведанные запасы в новом Александровско-Лозовском районе превышают 3 млн. тонн). Летом 1941 года Самарской партией Украинского геологического управления закладывается ряд новых глубоких скважин. Но началась война. Фронт все ближе подходит к границам Сталинской области. Начинается эвакуация людей и имущества геологоразведочной партии, прекращается бурение. Что дальше? Можно было эвакуироваться и, пользуясь броней, работать в тылу; можно было добиваться посылки на фронт. Но, в эти грозные для нашей Родины дни, Сталинский обком КПУ организует школу по борьбе с немецкими фашистами и создает партизанские отряды. Два таких отряда были созданы и на территории Александровского района.

Один из них, названный тогда именем Хрущева Н.С., наполовину был укомплектован за счет работников Самарской геологоразведочной партии, из которых А.М. Головенко, В.А. Нечаев и М.В. Горлачук побывали в областной партизанской школе на ст. Доля. Комплектование отряда осуществлялось руководителями Александровского района: секретарем райкома товарищем Смирновым, председателем райисполкома товарищем Осадчим Д.А. (проживает в г. Киеве), начальником райотдела МГБ товарищем Максименко Н.В. (проживает в г. Одессе).

К моменту оккупации немецкими захватчиками территории Александровского района (23.10.1941 г.) в отряде состояли:

Головенко А.М. – начальник отряда (технорук геологоразведочной партии);

Нечаев В.А. – начальник штаба отряда (начальник геологоразведочной партии);

Соколова Н.А. – геолог партии;

Полтавец А.М. – завхоз партии и секретарь парторганизации;

Горлачук М.В. – старший буровой мастер;

Щербак П.Ф. – зав. райсельпо;

Шилкин К.С. – колхозник.

В 1942 году, когда отряд вышел из тыла, в связи с прорывом фронта немцев у Барвенкова кавалерийским корпусом генерала Гречко, в отряд были приняты дополнительно товарищи: Гребенюк, Прохоренко, Вилимный и два комсомольца – Ваня Шевченко и Петя Седенко.

Место для явок и хранения имущества отряда было в доме плотника Самарской ГРП Василия Васильевича Немченко, а оружие спрятано в одной из могил на кладбище хутора Н. Полтава.

Надо прямо сказать, что отсутствие боевого опыта, связи с командованием, провал второго отряда да и малое время пребывания отряда в тылу врага (с октября 1941 года по январь 1942 года) сковывали его действия, которые выражались только разведкой устройства и вооружения немецкой армии, порчей телефонной связи, составлением и размножением листовок среди населения и немецких солдат, поджогами скирд необмолоченного хлеба, мельницы.

Но вот 23 января 1942 года кавалерийские части генерала Гречко, прорвав фронт у с. Барвенково, очищают от немцев значительную часть территории Александровского района.

Политотдел корпуса приказывает нашему отряду обеспечить прием, питание и эвакуацию раненых, организовать эвакуацию в тыл всех военнообязанных освобожденной территории, провести разведку в районе с. Степановка, где предлагалось скопление немцев, выявление предателей.

Все эти задачи были выполнены.

Но уже в феврале немцы при поддержке танков вытеснили наши войска из райцентра; после чего линия фронта стабилизировалась по линии Славянск-Лозовая до 17 мая 1942 года, когда немцы осуществили наступление на всей линии фронта.

В период с февраля по май 1942 года наш отряд был подчинен штабу партизанского движения 9-й армии и осуществлял ближнюю разведку в прифронтовой полосе.

Из одной такой разведки не вернулся наш отличный товарищ и боец Павло Щербак. Есть предположение, что он погиб на окраинах родного села Софиевки.

После майского сражения, вместе с воинскими частями наш отряд перешел на восточный берег р. Северный Донец, где группы партизан комплектовались для переброски в тыл врага с различными заданиями. С одного из таких заданий не вернулась единственная женщина нашего отряда Наташа Соколова,

замечательный товарищ, способный геолог, много сделавшая по разведке, благодаря знанию немецкого языка.

В июне 1942 года группа нашего отряда в составе А.М. Головенко, В.А. Нечаева, А. Прохоренко и двух связных комсомольцев – Вани Шевченко и Пети Седенко была переброшена через линию фронта на Изюмском направлении и разошлась в разные области республики, выполняя задание штаба партизанского движения. В Александровский район мы уже возвратиться не могли, так как о нашей деятельности было известно и немцам, и предателям (появившиеся в своем районе В. Шевченко и П. Седенко были выданы и погибли в гестапо).

Со времени этих памятных событий прошло более 25 лет. Те, которые остались живы к концу войны, включились в восстановление народного хозяйства. Некоторых из них уже нет в живых.

Мы всегда будем помнить наших боевых друзей Павла Щербака, Наташу Соколову, Василия Васильевича Немченко, Кузьму Савельевича Шилкина.

Бывший начальник
партизанского отряда

А. Головенко

Бывший начальник штаба
партизанского отряда

В. Нечаев

Н.А. Соколова

В 1939 году решением Совета по Большому Донбассу, возглавляемого П.И. Степановым, Уральским геологическим управлением была заложена скважина №8.

Эта скважина располагалась в верховьях долины реки Самары Александровского района Сталинской области и в ее задачу входило проверка представлений о распространении к западу от Донбасса угленосности карбона.

В октябре 1940 года я был назначен старшим геологом Самарской ГРП, а затем возглавил ее руководство.

В начале 1941 годы были вскрыты первые пласты рабочей мощности из свиты C_2^6 и, следовательно, положительно решен вопрос огромной практической важности. (В последние годы поисковые работы развернулись не только на Западном, но и в других секторах Донбасса).

Уже к маю месяцу 1941 года в проходке было 4 скважины с проектными глубинами по 500-600 м, которые должны были осветить угленосность нижележащих свит карбона.

Весной 1941 года в Самарскую ГРП прислали геолога Соколову Наталью Алексеевну, недавно закончившую ВУЗ. С первых же дней работы Н.А. Соколова завоевала всеобщее уважение коллектива геологоразведочной партии. Трудолюбие, скромность, отзывчивость, обеспечили этой замечательной девушке искренние симпатии и среди буровых бригад, и в коллективе геологического отряда, и среди местного населения.

Как показали последующие события, Наталия Алексеевна обладала твердым характером, сильной волей и большим мужеством.

Разразившаяся 21 июня 1941 года Отечественная война быстро приближалась к Донбассу. И в августе месяце 1941 года я получил от Комитета по делам геологии при Совнаркомом СССР распоряжение отобрать наиболее ценные геологические материалы и эвакуироваться с ними в г. Кыштым. Мы, конечно, понимали, что увезти удастся немного, и поэтому приняли решение о срочном составлении самого точного и полного разреза пробуренных скважин и отборе наиболее ценного каменного материала. Два месяца, по 12-15 часов в сутки Наталия Алексеевна составляла разрез скважины №8 – первой скважины, доказавшей промышленную угленосность западного сектора Большого Донбасса. Со скрупулезной точностью подбирались цвета пород, вскрытых скважиной, показывались детали их состава, рисовалась и определялась фауна и флора. Нужно отметить, что я и Наталия Алексеевна имели скромные познания в палеонтологии и широко использовали всю имеющуюся у нас литературу по этому вопросу.

К концу сентября месяца 1941 года, я получил от Сталинского обкома партии предложение пройти спецподготовку и войти в состав партизанского отряда, создаваемого на территории Александровского района. Возвратившись из партизанской школы, я принял участие в организации партизанского отряда; одновременно я форсировал подготовку к эвакуации людей и оборудования ГРП. Н.А. Соколовой я поручил доставку в г. Кыштым наиболее ценных материалов: геологического отчета разрезов скважин и эталонные коллекции. Но эта исполнительная и скромная девушка категорически отказалась выполнить распоряжение, заявив, что она тоже хочет остаться в тылу для борьбы с фашизмом. Ее заявление было дважды неприятным – некому было поручить эвакуацию ценных материалов, и кроме того я понял, что наши действия по подготовке партизанского отряда не являются тайной. В конце концов в отряде согласились на то, чтобы оставить Наталию Алексеевну в отряде и после проверки решить вопрос о принятии ее в члены отряда.

В наш партизанский отряд им. Хрущева из числа работников Самарской ГРП, кроме меня и Соколовой Н.А., входили: Полтавцев А.М. – завхоз ГРП, Головенко А.М. – техрук ГРП, Горлачук М.А. – старший буровой мастер.

Эвакуировав семьи и ценные материалы, мы еще активнее занялись подготовкой к встрече с врагом.

Основной базой отряда мы избрали здание ГРП, где в подземном тайнике, среди ящиков с кернами мы хранили и оружие, и изготовленные нами листовки, и многое другое.

Для охраны базы, для явок и связи мы поселили в этом же здании Н.А. Соколову. Это ответственное задание мы поручили ей не только потому, что к этому времени мы проверили ее мужество и надежность, но и потому, что она хорошо знала немецкий язык.

Много ценнейших сведений было добыто Наталией Алексеевной, много тысяч листовок написано в эти полные опасности месяцы.

В феврале 1942 года, в район расположения нашего отряда прорвались части Красной Армии, и нам поручили восстанавливать Советскую власть. В этот период Наталии Алексеевне была поручена сложная задача эвакуации в тыл советских граждан призывного возраста, проживающих на территории, освобожденной от фашистов.

С марта месяца 1942 года наш отряд поступил в распоряжение одной из дивизий 57 армии и выполнял разведку на фронте Барвенского направления. В суровых условиях фронта Наталия Алексеевна и еще один боец партизанского отряда получили ответственное задание, связанное с переходом фронта в один из тыловых пунктов.

Задание было выполнено, но при возвращении они были задержаны и брошены в застенки гестапо в г. Славянске.

Товарищ, сопровождающий Наталию Алексеевну, сумел уйти из гестапо, перешел линию фронта и доложил об исполнении задания. Дальнейшая судьба

Наталии Алексеевны Соколовой остается неизвестной. По рассказу хозяина дома, где была явка, В.В. Немченко (Василий Васильевич работал плотником в Самарской ГРП, согласился на организацию в своем доме явки и склада продуктов для партизанского отряда), примерно, в июне 1942 года, Наталия Алексеевна пришла на одну из явочных квартир. Вместо 28-летней девушки это была глубокая старуха, босая, простоволосая, истерзанная и немощная. Она ничего не рассказала о своем пребывании в гестапо. Семья Немченко спрятала Наталию Алексеевну в своем доме, и выхаживали ее. Это было большое мужество, так как ежедневно в этом хуторе бывали немцы, а Наталию Алексеевну хорошо знали в районе, как партизанку.

Через две недели, окрепнув, Наталия Алексеевна ушла, с твердым намерением перейти линию фронта, и доложить об исполнении задания, так как она ничего не знала о своем товарище, с которым шла в разведку. Но она не дошла до фронта.

Есть предположение, что по пути Наталия Алексеевна была брошена фашистами в колодезь вместе с членами патриотической группы, действовавшей в районе.

Все, что было сделано Наталией Алексеевной Соколовой в напряженные дни первых месяцев войны, в Самарской ГРП сохранилось и было использовано в дальнейшей работе.

Образцы фауны были доставлены в г. Кыштым, а затем обработаны и опубликованы Е.И. Новик. Геологический отчет работ в 1945 году и стал основой кандидатской работы С.К. Комоцкого, а знаменитый разрез скважины № 8 и ныне хранится в Украинских геологических фондах.

10.10.1965 г.

Нечаев В.А.

Зав. архивом

Вакар Н.А.

Детство и юность Наташи Соколовой

(из воспоминаний сестры)

Стоит напряженная тишина. Уже вечер, а государственные экзамены на геолого-географическом факультете Уральского Университета все еще идут. Устала экзаменационная комиссия, истомились студенты, до которых еще не дошла очередь. Одной из последних держала экзамен и Наташа Соколова, заканчивающая в 1938 году вместе с братом Михаилом Уральский Университет. Предмет Наташа знала очень хорошо и терпеливо ждала своей очереди. Была уверена в себе, но, конечно, как и все – волновалась.

Этот экзамен оказался для Наташи роковым. На бестактный выпад со стороны преподавателя экзаменационной комиссии в адрес одного из студентов, Наташа подала резкую реплику. Возник конфликт, который окончился тем, что Наташа, единственная из всей группы, хорошо знавшая предмет – получила неуд. Это был беспрецедентный случай и, конечно, Наташе, разрешили позднее пересдать географию, но радость окончания ВУЗа была омрачена. Месть председателя экзаменационной комиссии на это не кончилась. В наказание, Наташа, пожалуй, одна из всей группы получила направление учителем географии, хотя ей очень хотелось на геологическую работу. Направление она получила на Северный Урал в далекий шахтерский поселок Верхняя Губаха Кизеловского района Пермской области. Здесь ей предстояло отработать, по крайней мере, положенные два года.

Наташа безропотно подчинилась приказу и начала готовиться к совершенно новой для нее деятельности. Назначение в Верхнюю Губаху мы с мамой восприняли с большой радостью, так как в этот период времени я была геологом Кизеловской углеразведки и жила вместе матерью и маленьким сыном Димой в г. Кизеле – в 20 км от Верхней Губахи. Связь была очень хорошей, так как два раза в день ходил рабочий поезд и, по возможности, мы виделись почти каждый выходной. Чаше к нам приезжала Наташа, чтобы отдохнуть в семейном кругу. Но она была и очень радушной хозяйкой, если к ней приезжали мы, и любила принимать у себя. Особенно нежно она была привязана к матери и радовалась, если мама приезжала к ней с моим маленьким сынишкой, которого она тоже очень любила и баловала. Какие это были чудесные дни, когда мы собирались вместе.

Наташа впервые попала на педагогическую работу, и конечно, ей было нелегко вести курс географии в старших классах школы-десятилетки. Приходилось много трудиться, прилагать всю силу, знания, инициативу, чтобы давать интересные уроки, захватывающие учеников и расширяющие их кругозор. Она никогда не ограничивалась рамками учебников, привлекая газетный материал и новинки специальной литературы. Своей простотой, справедливой требова-

тельностью, чутким отношением, человечностью и конечно, качественным ведением своего предмета, Наташа заслужила уважение и любовь учеников и пользовалась авторитетом в коллективе преподавателей.

Она получила небольшую комнатку в квартире одного рабочего и была очень довольна тем, что у нее есть свой, ни от кого независимый уголок. Это была ее первая своя комната. Конечно, обстановка была более, чем скромной, но в комнате было все самое необходимое – опрятная кровать, небольшой столик для хозяйственных целей и большой рабочий стол с аккуратно разложенными стопками книг по географии и художественной литературе. Та были географические атласы и карты, пачки газет, папка с вырезками из газет, которые она делала систематически. До этого стола она никому не разрешала прикасаться. Это было ее рабочее место.

Жила Наташа напротив школы и обычно, даже в зимнее время, бегала на занятия, не одевая шубы.

Как-то зимой, в страшный мороз, Наташа приехала к нам на выходной в туфельках – другой обуви у нее не было, а хотелось повидаться. Совершенно окоченевшая она забралась с ногами на диван и отогревалась чаем. Несмотря на ее протесты, я побежала на рынок, чтобы купить ей аккуратные валенки. К счастью удалось угодить сестренке по вкусу, и она могла, не боясь любого холода приезжать к нам.

Поселок Губаха стоит на реке Косье. Окрестности поселка отличаются исключительно живописной природой. Отвесные скалы гор Ладейной и Крестовой – обмываются быстрыми водами широкой горной реки. Вокруг поселка тесным кольцом стоит хвойный лес. В свободное время Наташа любила побродить по лесу и привлекала в свою компанию коллег. Иногда и я принимала участие в этих походах.

Помню на последний май 1940 года, который мы провели все вместе. Наташа приехала провести праздники к нам в Кизел. Стояли чудесные солнечные дни, очень теплые для Северного Урала. Снег уже почти весь стаял, и мы решили посмотреть, что делается в лесу.

Хмурые пихты и ели близко подходят к городу, поэтому только выйдешь за черту последних строений, и ты уже в лесу. Под деревьями еще лежал снег, в ложбинах стояли прозрачные лужи, а на проталинах уже пробивалась первая зеленая травка и поднимали свои головки небольшие звездочки подснежников.

Было необыкновенно хорошо, тихо и спокойно.

Нам с сестрой надо было о многом поговорить, и тишина леса располагала к этому. Намечались большие изменения в нашей жизни. Мне дали перевод в Егоршинскую углеразведку. Я тяжело переживала необходимость перемены работы, так как привыкла к Кизелу, где проработала 7 лет. Наташа не хотела без нас оставаться на Северном Урале, да и педагогическую деятельность не считала своим призванием. Ей хотелось перейти на геологическую работу, устроиться самой, без посторонней помощи и протекций. Поэтому ей не осо-

бенно нравилась перспектива работы в Свердловске, где у нее было много знакомых. Почему-то она выбрала для себя Киев. Там она действительно никого не знала, и, видимо, хотела испытать свои силы и пробить себе свою собственную дорогу в жизни. Такой уж был характер у моей младшей сестренки. В тишине весеннего леса мы долго обсуждали свои ближайшие перспективы и планы на будущее. Собирали подснежники и радовались чудесному погожему дню.

В июне 1940 года я перевезла свою семью в г. Артемовский (Свердловской области) и приступила к работе в Егоршинской углеразведке. После окончания своего второго учебного года Наташе удалось уволиться из школы, хотя ее отпустили очень неохотно. Она приехала к нам в Артемовский, чтобы повидаться перед отъездом в дальние края.

Кто мог знать, что это наше последнее свидание? Что через год на нашу мирную землю нагрянут черные полчища оголтелых врагов и принесут с собой разорение, горе, глубокие незаживающие раны в каждую семью. Погибла и наша Наталочка. Защищая Родину, она отдала без остатка свою еще такую недолгую жизнь. Прошло много лет с того последнего короткого свидания, а память с неумолимой ясностью воскрешает все эти детали, восстанавливает эпизоды из детства и юности, где всегда рядом со мной шла жизнь младшей сестренки и друга.

В семье нас было четверо – два мальчика и две девочки. Наташа, или как ее звали в детстве, Талечка, была меньшей, последней и самой любимой. Родилась она 5 (18 мая) 1913 года и уже в раннем детстве ей пришлось пережить трудности военного времени и гражданской войны.

Отличительные черты характера Талечки, проявившиеся с самого раннего детства, были: самостоятельность, упорство в выполнении любого дела, за которое бралась, верность слову, справедливость, правдивость и самое главное – доброта. Позднее появилось чувство товарищества и ответственности. Надо сказать, что домашнюю работу она не любила. Да никому и в голову не приходило заставлять ее что-либо делать такую маленькую и хрупкую, когда есть старшие дети.

Мы росли дружной гурьбой со своими законами и обычаями. Всегда у нас собирались ребята разного возраста, и мы очень интересно играли в разные игры. Нередко мы играли в войну, разделившись на группы. Если Талечка «попадала в плен», то она ни за что не покорялась духовно, хотя ее, самую слабенькую и маленькую, старшие дети легко могли победить физически. Если бывало, Талечка скажет «нет», то никто и ничто не сможет заставить ее против воли сказать «да». И мы все хорошо это знали.

Наташа была и очень великодушна. Запомнился такой эпизод из далекого детства. Я нечаянно разбила любимую Наташину чашечку, с нарисованными на ней кошечками. Талечка очень любила эту чашечку и всегда из нее пила. Но когда она увидела осколки своей чашки и то смятение, которое я переживала,

Талечка подошла ко мне и начала меня утешать, и, еле сдерживая слезки, с дрожащими губами сказала, «мне не жалко чашечки». Тогда Талечке было 3 года.

В шесть лет Таля перенесла скарлатину. Тогда мы жили на окраине Белебея, в так называемом Татарском конце. Дом состоял из двух комнат и кухни. Мы занимали проходную, а в дальней – жила семья беженцев. Дом стоял среди огромного пустого двора, обнесенный высоким забором. Хозяева этой квартиры (Еникеевы) жили в небольшом флигельке у ворот. Мы, дети, своими силами разбирали этот пустырь под огород и выращивали разные овощи, и, главное, картошку.

Особенно инициативным в играх был старший брат – Саша. Он предложил в виде игры проводить в летнее время повторение некоторых предметов и, главным образом, занятия немецким языком. Себе в ученики он брал спокойного и покорного брата Мишу, а мне всегда доставалась Талечка, с которой я не всегда могла сладить. Уж очень требовательной она была ученицей, и не давала спуска маленькой учительнице, которая всего на 5 лет была ее старше. Как бы там ни было, а успехи в изучении немецкого языка были налицо, и мы могли между собой разговаривать. Талечка постигала язык еще до поступления в школу.

Осенью 1920 год Талечка должна была пойти в школу. Для всех нас это был очень тяжелый момент. Не говоря уже о том, что физически девочка была очень слабенькой, плохо переносила морозы, а школа находилась далеко, мы видели, что Талечка боится школы. Застенчивая, даже диковатая, она не выражала ни малейшего желания посещать школу. Надо было ее как-то заинтересовать. В школу ее повела я. Когда зашли в класс, Талечка «сжалась в комочек» и судорожно вцепилась в мою руку.

Учительница разрешила мне первый день сидеть на парте рядом с сестренкой. Запомнилось, что старательно списывая с доски цифру 6, Талечка от волнения выписывала шестерку в обратную сторону.

Постепенно Талечка освоилась с новой обстановкой, полюбила школу и очень привязалась к своей первой учительнице Трефиловой, сумевшей покорить ее своей строгой справедливостью и добротой.

Так Талечка встала на первую ступеньку в длинной школьной лестнице.

Шли трудные первые послереволюционные годы, годы гражданской войны и становления Советской власти. Наша семья была в очень тяжелом положении. Плохо, очень плохо, было с питанием, а квартира попала исключительно неблагоустроенная. Плохо конопаченные стены совершенно не держали тепло и никакие дрова не могли нагреть помещение. Все выдувал ветер. Утром вода в умывальнике покрывалась корочкой льда. А надо было вставать и начинать трудовой день. Наносить воды с ключика и бежать по морозцу в холодную, тоже нетопленную школу.

Не было света. Сейчас даже трудно себе представить жизнь без электричества, радио, телевизора, водопровода и других, таких привычных, а поэтому не замечаемых уже удобств. Детям нашего времени эти удобства и во сне не снились. Зато велика была тяга к знанию, желание скорее встать на ноги, быть полезным семье, помочь матери. И вот четыре детские головки, склоненные над книгами и тетрадками, а рядом мама со штопкой или чинкой многочисленных чулок. На столе слабо мерцает каганец. Комната тонет в полутьме. Каганец – это сырая картошка, выдолбленная середина которой заполнена салом и положен фитилек из тряпочки. При слабом свете каганца, в прохладной комнате, мы готовили уроки. Закончив занятия, мы с радостью лезли на русскую печь, грелись и слушали бесконечные сказки нашей старой слепой няни, которая всех нас вынянчила и доживала у нас свои дни, разделяя с нами все невзгоды.

Мама в то время работала при больнице, занимаясь обжигом кофе из ржи. Мы, дети, должны были молоть кофе. Работа выполнялась дружно, и кофейная меленка постоянно шла по кругу. За эту работу маме давали дрова и какое-то питание. В те годы деньги не очень были в ходу.

Жили мы весело, дружно, интересно. Детство всегда вспоминается с большой теплотой. Хотя у нас нередко не было хлеба, давно забыли, что на свете есть сахар и всякие вкусности, но все это как-то переносилось без ропота и жалоб. Нет, значит – нет, терпели, обходясь овощами. Если кто-либо угощал конфеткой и она была единственной, то ее обязательно делили на пять частей. А мама свою часть длила нам же, говоря, что она не хочет. Не было случая, чтобы кто-то из детей втихомолку съел, попавшую ему сладость, не поделившись с другими. Это было бы тягчайшим преступлением и совершенно исключалось. Так нас воспитывала наша мать.

Конечно, голод и недоедание больше всего сказались на меньшей и Талечка росла худенькой, хрупкой, слабенькой девочкой, короткая стрижка по машинку, делала Талю похожей на мальчика. В то же время ее физическая слабость представляла резкий контраст силе ее характера, который постепенно вырабатывался, приобретая совершенно определенные черты.

У нас не было отца, и мы почти не помнили его. Воспитанием и образованием мы обязаны своей матери Буниной Марии Яковлевне, которая посвятила нам свою жизнь. Она была очень кроткой, доброй и заботливой. Она никогда никого не обижала и не ворчала, никого не осуждала и приучила нас быть правдивыми. Она почти никогда нас не наказывала и никогда не ввязывалась в наши детские дела и ссоры, считая, то мы сами должны разобраться. Если кто-то из детей приходил к ней с жалобой на брата или сестру, то она всегда говорила «доносчику первый кнут» и с этим отправляла жалобщика, а за ним утверждалась обидная кличка «ябеда-беда, костяная нога».

Мягкость характера, скромность и такт сочетались у мамы с большой силой воли и выдержки. Оставшись одна с четырьмя детьми, она стойко переносила все лишения, никогда не впадала в панику, не жаловалась на трудности и

стойко переносила и холод, и голод, болезни детей, отсутствие элементарных, жизненно необходимых удобств. Многие черты характера унаследовала Талечка от мамы, проявив их в тяжелых условиях партизанской жизни и во время пыток гестапо.

Зимой 1922 года в нашу семью пришел сыпняк. Сначала слег старший брат Саша, затем заболела Талечка. Нужно было питание, чтобы поднять детей, а его не было. Вещь за вещь уходила из дома за бесценок. Спасая детей от голодной смерти, мама продала какому-то нэпману рояль за 2 пуда ржаной муки. Это была последняя вещь и большая жертва, потому что в молодости мама была учительницей музыки, и этот старый рояль был ей очень дорог.

Талечка еще болела, а Саша уже начал ходить, когда однажды утром мама не смогла встать с постели. Начался сыпняк и маму увезли в больницу. Мы остались совсем одни. К счастью ни я, ни младший брат сыпняком не заболели.

Без мамы было не только тоскливо, но и очень трудно. Я должна была принять на себя обязанности матери. Надо было вставать очень рано, чтобы до школы вытопить печь и приготовить какую-то еду на всех, как это делала мама. Позаботиться о братьях и сестренке, которых надо было снарядить в школу. Мальчики заботились о дровах и воде. Помогали нам и родственники, навещая нас. Мамы не было бесконечно долго. Привезли ее домой уже летом, очень слабую. Все-таки она переборола болезнь и постепенно выздоровела.

Дети росли и содержать их становилось все труднее. Саша уехал в Москву, меня взяла на воспитание вдова маминого брата Е.Н. Кириллова, проживавшая в Казани. В 1925 году в Казань переехала и мама с двумя младшими. Талечка поступила в 5-й класс школы им. Песталоцци и окончила школу в 30-м году. Училась она средне, хотя и имела большие способности. Уж очень увлекалась она чтением, за которым иногда забывала другие дела.

С 1929 года я работала в Уральском геологическом управлении и жила в Свердловске. Сначала я перетянула к себе брата Мишу, устроила его на геологическую работу.

Весной 1931 года ко мне приехала Наталочка и тоже поступила в геологическое управление. Ее направили коллектором в партию Н.И. Кудриной, занимавшейся геологической съемкой на Южном Урале. Здесь Наташа показала отменную выносливость и прилежание, оставив по себе хорошую память.

В 1932 году Наташа поступила в Свердловский институт цветных металлов. Но ей захотелось быть инженером-обогабителем и, проучившись года два, она перевелась на геолого-географическое отделение Свердловского университета, который, как я уже говорила вначале, она закончила в 1938 году. Годы учебы были трудными, потому что приходилось жить на стипендию и ту небольшую помощь, которую я могла оказывать своим студентам, перейдя на работу в Кизеловскую углеразведку.

На летние каникулы Наташа приезжала ко мне в Кизел, летом 1934 года она приняла участие, как коллектор, в геологических исследованиях доктора

геолого-минералогических наук М.М. Толстихиной, проводившей работы в районе Кизела и Губахи. Матильда Моисеевна очень была довольна Наташей, как помощником и до сих пор тепло вспоминает о ней, отмечая ее трудолюбие, исполнительность, трудоспособность и выносливость.

Уехав в Киев, Наташа вела со мной оживленную и интересную переписку. Я знала о всех ее делах, о ее удачах и неприятностях. Заочно я знала и тех людей с которыми она общалась. К большому сожалению письма Наташи, из-за моих многочисленных переездов и странствований почти не сохранились. В начале 1941 года Наташа начала вести со мной переговоры с целью перетянуть меня в Киев. Она выслала мне даже анкеты, которые я должна была заполнить. Но я колебалась. Держала семья, да и работы было много, и уволиться в те годы было не так-то просто.

На полевые работы в Барвенковскую партию Наташа выехала из Киева за день до начала войны. А когда в Барвенково стали поступать эшелоны с ранеными, Наташа писала мне, что война приближается, она видит уже ее последствия. Страна в опасности, и она не может заниматься мирным трудом. Она должна встать на защиту Родины от лютого врага. Это ее долг. И она сделала так, как думала, оставшись в кольце войны.

О том, что Наташа стала партизанкой, мы узнали из письма Наташиной помощницы по Барвенковской партии – Е.И. Москаленко. Женя вместе с партией эвакуировалась к Волге.

Зимой первого года войны тяжело заболела мама двухсторонним воспалением легких. Никаких средств лечения против этой болезни, кроме горчицы у меня не было. По словам лечащего врача, дни мамы были сочтены. Организм совершенно не хотел бороться, уж очень безрадостны и трудны были годы войны. Да и на сердце матери была большая печаль. В октябре при обороне Ленинграда погиб на посту старший сын Александр. Второй сын – Михаил был на фронте, а дочь меньшая, любимая Наталия, не давала вестей из партизанского отряда. Жива ли она? Что с ней? Ведь она в тылу коварного врага.

Вдруг на какое-то время (если не отказывает память, то это было в феврале 1942 года) Барвенково было очищено от врага и от Наташи пришло долгожданное письмо. Оно принесло много радости и сыграло большую роль в переломе болезни к лучшему. Письмо дочери дало встряску больному организму. Мама знала письмо наизусть и, поставив его на стул у кровати, все смотрела и смотрела на дорогие строки. Она законно гордилась своей дочерью и рассказывала о ней тем, кто ее навещал. Появился интерес к жизни, и снова болезнь отступила, и мама стала медленно поправляться.

Потом письма от Наташи прекратились. О тяжелой судьбе ее и пребывании в гестапо мы узнали уже после окончания войны из письма, разыскавшего нас начальника партизанского отряда В.А. Нечаева.

Наташи больше нет, но светлый образ ее до конца дней моих останется в памяти.

М.В. Бунина

05 марта 1967 г. г. Алма-Ата

Г.Я. Лепченко

Давным-давно...

Западная Европа полыхала в огне смертельного, военного вихря.

Гитлеровская Германия, развязавшая 1-го сентября 1939 года войну, подчинила себе большую часть Западной Европы.

Стоял июнь 1941 года. Многие геологи Укргеолуправления были посланы на спецработы, но никто не думал, что на нас надвигается военная гроза, так как Советский Союз заключил с Германией договор о непадении.

В июне месяце 1941 года я был командирован в район Ново-Украинки Кировоградской области, для проведения геологической съемки, в связи с составлением и подготовкой к изданию среднемасштабной геологической карты.

Мне необходимо было уточнить название некоторых магматических пород (габбро-сиенитов) в районе Ново-Украинки и установить границы между кристаллическими породами, на части листа геологической карты.

Прибыв в Ново-Украинку в первых числах июня, я нашел себе квартиру вблизи вокзала.

На следующий день стал осматривать и описывать обнажения в районе города, по р. Черный Ташлык.

В дальнейшем, в гужтранспортной конторе мне пришлось нанять одноколку, в простонародье называемой «бедой» (лошадь, запряженная в маленькую двухколесную повозку), и мои маршруты совершались уже дальше – в район Кировограда, Ровное, Бешбоераки и др. населенные пункты.

Возница попался хороший парень и работа велась без особых трудностей и приключений.

Когда-же мне приходилось обходиться без транспорта и двигаться пешим ходом, описывать гранитные карьеры и обнажения, меня несколько раз задерживали и допрашивали, считая меня «немецким шпионом». Мой рюкзак был принят молодыми парнями, почти детьми, за парашют. Однажды меня задержали на карьере и доставили на грузовой машине в Ново-Украинку. Парень, который со мною ехал, говорил, что он таких «шпионов» ловил на Дальнем востоке.

Местные власти, проверив мои документы, быстро меня отпустили, иногда весело улыбаясь.

Ко мне должна была приехать на консультацию М.И. Ожегова. Она прибыла в Ново-Украинку вместе с коллектором около 20-го июня. Мы быстро нашли им квартиру. Я рассказал ей, что меня здесь несколько раз задерживали, и посоветовал ей явиться в районное НКВД, которое находилось в городе Ново-Украинка.

Мы осмотрели с ней собранный мною каменный материал, и я на следующий день поехал в свой последний маршрут. Приехав 22-го июня с маршрута, я узнал, что началась война. Это известие для меня было большой неожиданностью, и я не поверил до тех пор, пока не услышал по радио Правительственное сообщение.

На следующий день я упаковал образцы и сдал их на железнодорожную станцию для отправки в г. Киев

В связи с войной образцы, конечно, не были доставлены по назначению.

Через Ново-Украинку уже двигались эшелоны с эвакуирующимся населением из Одессы.

Мы быстро собрались, успели еще купить ж/д билеты и выехать в Киев.

В Киеве война уже чувствовалась, и немцы бомбили его с первых дней начала войны. Уже были разбиты здания на Лукьяновке и в районе Святошино.

Немецкие военные летчики вели себя нахально, низко летали на самолетах.

Была наша зенитная артиллерия, изредка сбивая немецкие самолеты.

Со сбитых самолетов немцы опускались на парашютах.

Укргеолуправление спешно готовилось к эвакуации. Мы из инженеров превратились в грузчиков и помогали грузить электромоторы и отправлять их на Подольскую набережную.

С тыловой части здания Укргеолуправления, во дворе сжигались второстепенные материалы и документы и в открытые окна летела обгорелая бумага.

Работа продолжалась, но с перебоями. В июне месяце 1941 года группа мужчин – Ю. Быков, Б. Плаксин, Г.Я. Лепченко и др. были направлены на несколько дней в район Пущу Водицу, к речке Ирпень, для рытья противотанковых рвов. Немцы бомбили Дарницю и промышленные районы Киева и глухие, но сильные взрывы бомб было слышно и в Пуще Водице.

Большинство инженеров-геологов, в том числе и я, были забронированы. У меня также был документ с резолюцией главного инженера И.Е. Слензака о направлении меня в распоряжение Комитета по делам Геологии СССР в Москву, в связи с сокращением объема работ в Укргеолуправлении.

В июле месяце я был повесткой вызван в Ленинский Райвоенкомат г. Киева.

31 июня 1941 года я сдал бронь в Ленинский Райвоенкомат и был зачислен в армию солдатом.

3-го августа 1941 года нас обмундировали и небольшой командой отправили на левый берег Днепра до ст. Бровары, где мы подвергались бомбежке 32-мя фашистскими самолетами и едва уцелели.

До Прилук мы доехали на товарном поезде, а затем пешком добрались до с. Сасиновка, возле г. Пирятин Полтавской обл., где располагался 59-й запасной стрелковый полк, куда мы были направлены. Здесь мы быстрыми темпами изучали миномет, винтовку, станковый и ручной пулемет. Раза два были на

стрельбище, проводили тактические занятия, учились рыть окопы (инженерное дело).

Но долго нам в этих местах быть не пришлось. Немцы рвались к Киеву и стали его окружать.

10-го сентября нас выстроили, и мы маршем двинулись на восток в сторону Донбасса.

Путь наш лежал через Сасиновку-Пирятин-Гадяч-Ахтырку-Люботин-Чугуев-Сватово-Старобельск.

Шли мы преимущественно ночью, делая по 30-40 км в сутки и однажды совершили бросок в 80 км, что было за пределами физических сил.

За 3-х недельный переход мы прошли около 600 км.

В Старобельске мы были очень мало. Здесь я встретил геологов С.К. Комоцкого, А.Д. Куделю, Гребня, от которых узнал, что Укргеолуправление после пребывания в Барвенково и Старобельске, эвакуируется в азиатскую часть Союза.

После кратковременного пребывания в Старобельске наша воинская часть отправилась в Луганск (бывший Ворошиловград), а затем в Сталинградскую область.

Дальше я приведу некоторые эпизоды из военного дневника под названием «По дорогам Отечественной войны».

Во второй половине июня 1942 года немец начал регулярно ночью бомбить Сталинград. Он не только бомбил, но и вел разведку. От выстрелов нашей зенитной артиллерии гудела земля. В воздухе беспрерывно вспыхивают разрывы зенитных артиллерийских снарядов.

Наши стали поджигать хлеба на корню, чтобы не досталось немцам. Видно море огня.

24 августа командование решило перебросить нас в Астрахань, куда мы должны были прибыть на формирование.

Идем пешком, иного пути нет, так как немец разбил все переправы и подходил к Сталинграду.

Немец сильно бомбит тракторный завод. Мы расположились в 2-3 км от завода и наблюдали жуткую бомбежку.

От разрыва бомб и грохота зенитной артиллерии стоял сплошной гул.

Над городом летают сотни немецких самолетов и издают от установленных сирен пронзительный звук.

В ночь 24-го августа нас подвели к переправе через Волгу.

Горит большинство домов и переправы через реку. Страшное зрелище.

Нас быстро погрузили на паром. На всякий случай многие стали снимать ботинки, с тем, чтобы легче было плыть, если разобьют паром.

Вдруг раздался пронзительный свист и за ним последовал сильный взрыв. Все сразу вздрогнули. Это была бомба, которая упала рядом с нами.

Переехали на левый берег Волги благополучно. Когда встали на берег, как-то легче вздохнулось.

Рано утром 25-го августа двинулись дальше в путь.

Сталинград горит днем и ночью.

Из главных очагов пожара, представляющих горящие цистерны с нефтью, идет черный дым, поднимающийся до самых облаков. Ночью дым обгагрется пламенем.

3-го сентября 1942 года прибыли в Астрахань: всего проехали 300 км по железной дороге и 100 км прошли пешком.

6-го ноября 1942 года, накануне 25-й годовщины Октября, наша воинская часть двинулась на Сталинградский фронт.

На марше салютуем в честь праздника выстрелами из винтовок и автоматов.

20-го ноября 1942 года находились в Калмыцких степях, где почти нет воды, одни солончаки и скудная растительность. Подняли по тревоге в 3 ч. ночи, в 7 утра позавтракали. Говорят, что наши войска пошли в наступление по всему фронту. Я числюсь ротным санитаром. Слышна артиллерийская канонада. Летят на запад, небольшими группами наши самолеты. Настроение бодрое, приподнятое. Поход наш отменили. Видно дела на фронте идут неплохо. В конце ноября стали приближаться ближе к передовой.

5 декабря 1942 г. наш стрелковый батальон причислили к 899 стрелковому полку 28-й армии. Ходят слухи, что немец подавил танками один из батальонов полка и нас хотят послать на пополнение.

13 декабря 1942 г. рано утром, на заре, пошли в первое наступление.

Перед наступлением была проведена небольшая артподготовка. Также «кашляли» минометы.

Немец не жалеет мин, и они разрываются то здесь, то там. Подошли близко к немцам, но дальше они не пускают и сильно огрызаются.

28-го декабря поднялись рано утром, вылезли из своей землянки и увидели подразделения, готовые к походу. Опять в наступление.

Враг увидел нашу передвижку и открыл сильный минометный и артиллерийский огонь. Наши стали отвечать, но значительно слабее.

Завязалась минометно-артиллерийская дуэль. Рвутся снаряды и мины. В воздухе рвутся шрапнельные снаряды. Подошли близко к немцам. Они открыли очень сильный пулеметный огонь. Взводы нашей роты медленно ползут к сопке, на которой заседали немцы. Начали появляться первые убитые и раненые. Сложив все свои вещи, мы непрерывно бегаем с санинструктором Н.М. Гуржием и делаем перевязки раненым. Начинает темнеть. Враг обстреливает нас трассирующими пулями. Они летят возле меня и оставляют после себя желтые и красные следы. Красивое, но опасное зрелище. Раненые стонут и просят, чтобы их отправили в тыл, но пока идет бой этого делать нельзя.

Связные от взводов передают о больших потерях в людях.

У нас из роты в 100 человек осталось только 40, а остальные убиты и ранены. Командир роты дает приказ отойти.

3 января 1943 года на рассвете вдоль реки Маныч, где расположилась наша часть, появился немецкий самолет корректировщик (рама, как его называют бойцы).

Не успел самолет скрыться, как немцы открыли по нас сильный минометный огонь.

После прекращения огня мы стали менять позицию.

Немцы, увидев, что мы передвигаемся, опять открыли минометно-артиллерийский обстрел.

Вот около меня, в метрах 20-25, разорвалось около шести мин.

Я почувствовал, что меня что-то обожгло в области левой голени и что-то теплое потекло вниз по левой ноге. Теперь я понял, что ранен.

Хотел было идти, но почувствовал сильную боль в ноге и прилег.

Начал призывать о помощи. Мой крик услышали комиссар батальона и начальник особого отдела, которые подошли ко мне. Я отдал им свою винтовку. Они довели меня до стога сена и сказали, что пришлют за мной санитарную повозку. Они ушли, а я стал опять призывать о помощи. Мой крик услышал боец, который проходил мимо.

Он подошел ко мне, снял с раненой ноги валенок, разрезал ножницами штанину и сделал мне перевязку, чтобы остановить кровь.

Портянки и левая штанина все были в крови. Рана была тяжелая. Вскоре приехала бричка, которая подобрала меня и других раненых. От своих бойцов я узнал, что меня и других представили к награде орденами и воинскому званию.

С поля боя я был доставлен в Астраханский госпиталь, где лечился около 10-ти месяцев.

Гарнизонная врачебная комиссия признала меня инвалидом Отечественной войны III гр. и сняла меня с военного учета.

После этого я больше в армию не возвращался.

Отбыв из госпиталя, я вместе с другими бойцами выехал поездом в Москву. Под Москвой я жил в г. Химки у родственников и непродолжительное время работал землеустроителем при Химкинском Горсовете.

3 февраля 1944 г. встретил в Москве в Комитете по делам геологии при СНК СССР главного инженера, в последствии – начальника Укргеолуправления, В.И. КУЗЬМЕНКО. Он меня радушно встретил и сразу предложил ехать на работу в г. Киев.

25 февраля в 4 часа дня из Москвы выехали первым прямым скорым поездом №5 в г. Киев.

Нас, как первых пассажиров, сняли на кинохронику.

В Киеве в Укргеолуправлении я был зачислен в группу Геолсъемки ответственным исполнителем по составлению и подготовке к изданию мелко-масштабной геологической карты.

Наряду с основной работой нам часто приходилось принимать участие по восстановлению разрушенного Крещатика и строить во дворе механические мастерские.

В 1946 г. я перешел на работу в Минерало-Петрографическую лабораторию, где работаю по настоящее время ст. петрографом-методистом.

В период 1949-1951 гг. работал геологом-петрографом в Кременчугской геологоразведочной экспедиции и Конкской геолпартии.

В Кременчугском районе было найдено крупное месторождение железа и сейчас ведется подготовка к добыче его крупным карьером и кончается строительством обогатительной фабрики.

12 мая 1967 г.
г. Киев

Г. Лепченко